

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ОНТОЛОГИЯ И АКСИОЛОГИЯ ПРАВА

*Тезисы докладов и сообщений
Восьмой международной научной конференции
(12–13 октября 2017 г.)*

Омск
ОМА МВД России
2017

УДК 340(082)

ББК 67.0

О-59

О-59   **Онтология и аксиология права** : тезисы докладов и сообщений Восьмой междунар. науч. конф. (12–13 октября 2017 г.) / отв. за вып. д-р филос. наук, проф. Л. В. Денисова, канд. филос. наук Д. В. Попов. — Омск : Омская академия МВД России, 2017. — 112 с.

ISBN 978-5-88651-661-6

В сборнике освещаются актуальные проблемы, раскрывающие сущность и закономерности познания правовой реальности, аксиологии права, а также соотношение права и других форм духовной жизни: морали, политики, религии.

Предназначено для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, адъюнктов образовательных организаций МВД России и всех интересующихся современными проблемами философии права.

УДК 340(082)

ББК 67.0

ISBN 978-5-88651-661-6

© Омская академия МВД России, 2017

РАЗДЕЛ 1. ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ ПРАВА

П. В. Векленко

(г. Санкт-Петербург)

ФЕНОМЕН СЕРВИЛЬНОСТИ ПРАВА

Патология права есть область философско-правовых исследований, предметом которой является правовая реальность, созерцаемая под специфическим углом зрения, в контексте противоречий «здоровое-нездоровое», «должное-действительное», «нормальное-ненормальное», «правовое-неправовое», «совершенное-несовершенное», «справедливое-несправедливое». Патология права, что очевидно, соединяется с аксиологией права и критикой права: в единстве с первой она выявляет антиценности в правовой реальности, в союзе со второй формирует трезвое, объективное отношение к праву и закону, со всеми их недостатками и достоинствами.

Торжествующей антиценностью современного российского права является феномен сервильности, который легистски настроенные исследователи, занимающие позиции «законников» и «государственников», предпочли бы не замечать, продолжая анализировать «мудрые замыслы Законодателя». К сожалению, этот настрой преобладает и в учебных аудиториях, и в залах конференций. Одряхлевшая мифология о «совершенных добродетелях Законодателя» остается столпом отечественной юридической культуры. Этот вредный предрассудок, плод слепой веры, представляет серьезное препятствие на пути воплощения идеалов правового государства, формирования гражданского общества, необходимых глубинных изменений в мышлении юристов. В то же время задача патологии права — срывать покровы и констатировать недуг, сколь бы уродливы ни были его симптомы.

«Законодатель», «государство», «правительство» в современном российском обществе исполняет роль «праотца» (термин Зигмунда Фрейда) — совершенно мудрого носителя власти, который всегда

«знает, как лучше для всех», «начальника», «барина», которому «виднее», который «разберется и примет меры». Непогрешимость «праотца» в вопросах права жидется, с одной стороны, на *юридическом нигилизме* — неприятии права как такового в силу его исторически сложившейся *инструментально-репрессивной роли*, с другой — на юридическом инфантилизме, нежелании «быть взрослым»: принимать самостоятельные решения, отстаивать права, выступать с инициативами, протестовать, нести ответственность за судьбу страны и т. д. «Праотец», таким образом, един в трех лицах: Карателя, Искусителя и Узурпатора. *Он грозит расправой*, вызывает страх и отторжение — деяния «законодателей» эпохи сталинизма еще не померкли в памяти народа, кроме того, о возможностях государственной машины принуждения периодически делаются напоминания введением новых жестких антипротестных мер. *Он поощряет пассивность масс* с помощью централизованной системы управления, которая исключает инициативу и самоорганизацию, и средств массовой информации, распространяющих мифы об «эффективных менеджерах», «крепких хозяйственниках» и «профессиональных юристах», напряженно работающих в законодательных органах во благо общества, — инертность людей обслуживается патриархально-патерналистской традицией, которая предписывает полагаться на «добрую волю» и «богатый опыт» вождей и отцов-командиров. *Он, наконец, единолично изменяет законодательство*, подгоняя его под узкогрупповые, эгоистические интересы. *Сервильность права есть результат злоупотребления государством, искажения смысла и предназначения права.*

На фоне печальной действительности современного российского права, преданного и забытого обществом и выхолощенного чиновниками, рассуждения о «конституционном порядке», «правовом государстве» или «диктатуре закона» выглядят, по меньшей мере, неубедительно. С молчаливого согласия инертного большинства *право низводится до уровня рутинной процедуры, бюрократической формальности, ритуала*. Право не является средством достижения социального компромисса, эффективным орудием сдерживания коррумпированных бюрократов, механизмом, обеспечивающим разделение властей, общественный контроль, независимость судов, свободу СМИ, соблюдение принципа федерализма и т. д. *Сервильное право оторвано от метафизических оснований общественной жизни* — Общего блага, Справедливости, Солидарности, Свободы и Равенства. Оно есть условность, видимость, пустышка. Сервильное право не связано с нравственным чувством и возвышенным идеалом, в основе практик его

применения лежат страх, экономические соображения, привычка подчиняться, но не стремление удовлетворить потребность в справедливом и рациональном общественном устройстве. Отсутствие такового характерно и для тех, кто закон издает, и для тех, кто закон исполняет. Сервильное право есть дискредитация высших социальных ценностей, глумление над историей и культурой, подрыв основ человеческого общежития. Вместо выстрадавших, оплаченных кровью революционной борьбы правил совместной жизни, обеспечивающих социальную гармонию и порядок, оберегающих личность и собственность, общество получает карикатуру.

Порочный круг замкнулся: в действенность права не верят, потому что оно неэффективно, а неэффективно оно, поскольку не отстаивается, не защищается в силу неверия. Правом можно пренебречь, поскольку за ним *нет гаранта в лице суверенного народа, в лице сообщества ответственных граждан*, для которых право есть нечто доставшееся ценой жертв и лишений.

Еще одна причина сервильности и малой ценности права кроется в специфике становления правовых институтов, гегемонии государства. Такое право рождалось не в качестве отвоєванных нацией установлений, а в качестве распоряжения, спущенного вниз по иерархической лестнице. Право появлялось не в силу суровой объективной необходимости, а по указанию «начальников», желавших сохранить мину прочности и благопристойности. *Сервильное право не имеет прочной связи с гражданским обществом, судьбой народа, борьбой его за права и свободы*. Сервильное право есть «мертвое право», противоположность «живого права» (Ойген Эрлих).

Сервильность права не может быть преодолена ни специальным указом, ни трудом ученых-юристов. Для этого требуется кропотливая и продолжительная работа по оздоровлению социального организма в целом, по соединению всех элементов распадающегося социума.

Е. Ю. Воробьева

(г. Омск)

АНАТОМИЯ УПРАВЛЕНИЯ

«Некогда члены человеческого тела, считая желудок праздным, поссорились с ним и отказали ему в своих услугах. Когда же вследствие та-

кого решения и они сами ослабли, они поняли, что желудок, принимая пищу, распространяет ее силу по всем членам, и помирились с ним. Так же и сенат, и народ составляют как бы одно тело, погибают от разногласия, а при согласии обладают силой» [*Аврелий В. О знаменитых людях // Римские историки IV века. М., 1997. С. 189*], — такими аргументами Менений Агриппа Ланат склонил возмущенных плебеев Рима унять недовольство властью и преодолеть общественный раскол. Риторические приемы подобного рода впоследствии стали маркироваться европейской мыслью как пример «смешной ребяческой басни» [*Эразм Роттердамский. Похвала глупости. М., 1960. С. 42*], но действовали неизменно эффективно на сознание граждан в том случае, если к ним прибегали государственные деятели. Мысль о том, что государство есть живая ткань, единый организм, который граждане обязаны хранить, защищать его целостность, имеет глубокие мифологические корни, сопрягается с архаичным образом Матери Сырой Земли, отечества, данного нам судьбой, и всегда вызывает отклик в коллективном бессознательном. Так насколько наивны и далеки от истины эти «смешные ребяческие басни», если они до сих пор действенны?

Философское предположение о сходстве человеческого и государственного устройств было подробно артикулировано Аристотелем. Оттолкнувшись от поэтических аллюзий Платона, он во всяком живом существе усматривал «власть господскую и политическую», заключающуюся в подчинении телесной оболочки разуму. Это, по мнению античного мыслителя, и есть основа всех естественных иерархий: «Душа властвует над телом, как господин, а разум над нашими стремлениями — как государственный муж» [*Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 383*]. Разумные должны управлять менее развитыми, стоять на вершине социальной пирамиды, наличие которой необходимо для государства. Этот принцип, считал Стагирит, неминуемо должен господствовать над всем человечеством. Стихийное объединение людей для общения, продолжения рода и выживания доказывает тот факт, что «человек по природе своей есть существо политическое». Но значит ли это, что граждане создают государство по своему образу и подобию?

Левиафан, механический голем Т. Гоббса, не наделен самостоятельным разумом. Государство — вторичное, производное образование. Оно создано человеком и уже поэтому не может претендовать на автономность живого организма. Однако, когда дело доходит до самого факта выживания государства, английский мыслитель прямо указывает на его органическую природу. Он рассуждает о питании и размножении

Левиафана, как если бы гомункул существовал на самом деле: «деньги — кровь государства», «дети государства — колонии» [Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 195–196]. Почему? Потому что «государство не должно умереть».

Когда речь заходит о витальных интересах, «смешные ребяческие басни» приобретают немалый политический вес. Непростой для Европы период революций и войн увенчался рождением социал-дарвинизма, созданием пула геополитических концепций и внедрением в политический лексикон терминов, более присущих биологии. Обращенные к архаическим пластам народной памяти, они распространились подобно пожару и захватили умы интеллектуальной элиты. Идеи, высказанные Р. Челленом, Ф. Ратцелем, К. Хаусхофером и др. в конце XIX — начале XX вв., приобрели популярность. Когда мир ненадежен и зыбок, опорой в нем может стать обладание государством собственной витальной силой и «жизненным пространством». Физиологические явления носят характер безусловной необходимости, и если социальные конгломераты обладают признаками физиологии, то участь их предreshена: одряхлевшие, расслабленные многовековой сытостью закономерно уйдут со сцены истории, молодые и голодные займут их место. Естественные процессы, свойственные живым организмам, не зависят от договоров людей и их намерений и подчиняются иным законам. Мы можем оспорить тезис о телесности государств, но нельзя не отметить, что там, где в социальность вторгается органичность, связь народа со своей землей лишь крепнет, что немаловажно для целостности стран, переживающих периоды внутренних общественных потрясений или внешних вторжений. Примером могут служить государства Востока, с древних пор до наших дней сохранившие свою цивилизационную идентичность, душу своих организмов, несмотря на значительные политические изменения, произошедшие с ними.

Существуя в культуре и цивилизации, мы не только погружаемся в поток производимого ими продукта, но и впитываем с рождения механизм изготовления этого продукта. Разве не то же самое происходит на ниве государственного строительства? За всю историю человечества способов и форм социального устройства создано не так уж много, и все они в том или ином виде повторяют устройство живого существа. Так, может быть, государство и есть живое существо, и оно не изменит своей сущностной определенности, как его не улучшай и не реформируй? Так же произведен от мира человек, но ему мы не отказываем в са-

мостоятельном бытии. Не может ли по той же логике существовать государство, созданное по образу и подобию человеческого тела? Предположим, что модель Аристотеля и Левиафан Гоббса не поверхностные метафоры наших «косноязычных» предков, не владевших современной научной терминологией, не осколки мифологического сознания, а осторожное приближение к истине, достигаемое средствами антропоцентризма. Эразм пронизательно замечал: «Чепуха этого сорта приводит в движение исполинского, мощного зверя — народ» [*Эразм Роттердамский*. Указ. соч. С. 42].

Е. С. Зайцева

(г. Омск)

О ВОЗМОЖНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРЕДЕЛОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

При обращении к проблеме пределов правового регулирования многие исследователи отмечают, что в зависимости от наличия или отсутствия связи с волей субъектов, осуществляющих специальное правовое воздействие, пределы могут быть подразделены на объективные и субъективные [см., напр.: *Иванов Р. Л.* Пределы правового регулирования: понятие и виды // *Вестник Омского университета*. Сер. «Право». 2001. № 4(29). С. 7; *Пьянов Н. А.* Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск, 2007. С. 231; *Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева*. М., 1999. С. 212]. Возможность существования объективных и субъективных пределов правового регулирования аргументируется тем, что имеется граница, связанная с природными и социальными закономерностями и не зависящая от воли познающих ее субъектов (объективные пределы). В то же время субъекты правотворчества под влиянием различных факторов в процессе своей деятельности устанавливают грань, отделяющую сферу правового регулирования от иных сфер в государственно-организованном обществе (субъективные пределы).

Следует согласиться с тем, что в действительности существует несовпадение как между общественными отношениями, нуждающимися в правовом регулировании, и отношениями, которые подвергнуты правовой регламентации, так и между их пределами. Но это еще не говорит о том, что пределы правового регулирования имеют двойственный

характер и могут быть объективными и субъективными. Грань, которая отделяет правовую сферу от иных сфер человеческого бытия, едина и обладает объективным характером, поскольку обусловлена свойствами общественных отношений, имеющими правовую природу. В социальном мире, как и в мире физическом, при всей их специфике те или иные формулировки (принципы, законы, положения, схемы, модели, нормы) именно потому являются реальным и эффективным инструментом, средством овладения действительностью, что соответствуют ее внутренним закономерностям и структурам (в том числе нормативно значимым), подразумевают законосообразность связей реальности и учитывают их [О понимании советского права: круглый стол // Сов. гос-во и право. 1979. № 7. С. 71].

Обоснование объективного характера пределов правового регулирования невозможно без обращения к понятию «сфера правового регулирования», границы которой (сферы) эти пределы определяют. Не останавливаясь на особенностях существующих точек зрения по этому вопросу, отметим, что «сфера правового регулирования» представляет собой совокупность отношений, складывающихся между людьми, сопровождающих их жизненных фактов и обстоятельств, которые объективно должны быть подвергнуты правовой регламентации. Неслучайно отмечается, что сфера правового регулирования — нечто изначальное по отношению к правовой деятельности государства [Лазарев В. В. Определение сферы правового регулирования // Правоведение. 1980. № 5. С. 66]. Это категория, отражающая «должное». Сфера правового регулирования обусловлена свойствами общественных отношений, имеющих правовую природу. Эти свойства и являются критериями пределов правового регулирования.

Понятие «сфера правового регулирования» необходимо отличать от понятия «предмет правового регулирования», которое следует использовать для характеристики отношений, уже подвергнутых правовой регламентации. В научной литературе можно найти примеры, где понятия «предмет правового регулирования» и «сфера правового регулирования» рассматриваются как синонимы [см., напр.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1967. С. 51–52] и где эти понятия разводятся [см., напр.: Лазарев В. В. Указ. соч. С. 67]. На наш взгляд, эти понятия нужно разводить. В противном случае, субъекты правотворчества, отражая действительность в нормативных правовых актах, всегда безошибочно определяют пределы сферы правового регулирования. Анализ современного российско-

го законодательства показывает, что реальные границы правового регулирования, установленные субъектами правотворчества, как правило, не соответствуют таким пределам. При этом возможны ситуации как их сужения, выражающиеся в наличии пробелов, так и неоправданного расширения, когда правовое регулирование приобретает избыточный характер. Точное установление пределов сферы правового регулирования — недостижимый идеал, поскольку правовое регулирование есть всегда реакция на развитие общественных отношений, и для того чтобы осознать эту потребность, требуется время.

В связи с изложенным важно различать пределы сферы правового регулирования как категории должного и пределы предмета правового регулирования как категории, отражающей реальную правовую действительность. Таким образом, пределы сферы правового регулирования определяют границы, в рамках которых должно осуществляться (а не осуществляется или может осуществляться) правовое регулирование общественных отношений. Грань, которая отделяет правовую сферу от иных сфер человеческого бытия, едина, имеет объективный характер. В свою очередь субъекты правотворчества, определяя фактическую, реально существующую, обеспеченную государством область правового регулирования, могут с большей или меньшей степенью точности данную границу установить. Определение границы зависит от действия различных факторов субъективного характера, влияние которых обуславливает несовпадение сферы правового регулирования и предмета правового регулирования, соответственно, и их пределов. В связи с этим целесообразно выделять не объективные и субъективные пределы правового регулирования, а пределы сферы правового регулирования и пределы предмета правового регулирования.

О. В. Кулик

(г. Москва)

ПРОБЛЕМА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПРАКТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРАВУ

Среди многообразия подходов к правопониманию и сформировавшихся на их основе школ права в настоящее время особое внимание и интерес представляет социологическая школа. Поскольку данная школа права сформировалась в условиях подъема социологии как самостоя-

тельной науки, значительное внимание вопросам существования и развития права она уделяет с точки зрения анализа всего комплекса общественных отношений и многообразия факторов, влияющих на их изменение и развитие.

В отличие от естественного и позитивистского подходов к праву, которые объясняют его через идеалистические основания или юридические предписания, социологический подход предлагает искать право в различных проявлениях жизни общества, т. е. для правильного понимания права следует оценивать закономерности, возникающие из социальной, экономической, политической и других сфер общественной жизни. Основные положения социологического подхода к праву нашли свое отражение в работах О. Эрлиха, Р. Паунда, Р. Иеринга, Г. Д. Гурвича и др. Так, в работах О. Эрлиха выражена идея «живого права», представляющего собой сложившиеся в обществе отношения, на основе которых уже потом формируются действительно работающие нормы [Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб., 2011]. В основе теории Р. Паунда лежит противопоставление «права в книгах» и «права в действии», а также придание праву значения особой формы социального контроля [Адыгезалова Г. Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб., 2012. С. 20, 127–128].

Несмотря на содержательные различия, для социологической школы права объединяющим является тезис о том, что право не просто создается государством, но закрепляется им, исходя из соответствующих социальных предпосылок. В связи с этим представляется актуальным в контексте социологического подхода к праву рассмотреть вопросы, связанные с легализацией правовой практики.

Легализация правовой практики — это процесс придания сложившейся в обществе правовой практике особого юридического статуса, выражающегося в оформлении ее в соответствующих формальных юридических источниках — формах права. При этом для такого оформления необходимо соблюдение двух условий: во-первых, правовая практика должна признаваться обществом как юридически значимая и нуждающаяся в нормативном закреплении и формализации; во-вторых, подтверждение значимости должно выражаться в создании соответствующих норм права (независимо от формы их выражения). Форма выражения правовых норм, в свою очередь, будет зависеть от уровня развития конкретного общества и присущей ему правовой системы.

Формулируя упрощенное понимание легализации правовой практики, полагаем, можно говорить о ней как о юридикации сложившихся в обществе правовых конструкций и опыта. При этом не стоит сводить легализацию правовой практики к механическому созданию норм, что отвечает позитивистской точке зрения на данный процесс. Легализация правовой практики должна иметь под собой определенные социальные предпосылки, что также соответствует основным постулатам социологического подхода к праву. При всем многообразии общественных отношений в процессе легализации правовой практики из них выделяются именно те, которые подпадают под понятие «правовой». Такой аспект легализации правовой практики дает возможность рассматривать ее также с естественного (неюридического) подхода к праву. Однако, в отличие от идеалистического конструирования, соотношение с реальными потребностями общества позволяет создавать востребованные и работающие правовые нормы.

Вместе с тем, несмотря на кажущееся полное соответствие процесса легализации правовой практики положениям социологического подхода к праву, в ряде случаев к категории «правовая практика» возникают вопросы, в основе которых лежит определение видов самой правовой практики по характеру ее формирования. С учетом данного критерия существующую правовую практику предлагается подразделять на первичную и производную.

Под первичной правовой практикой следует понимать те правовые установки, сложившиеся в обществе, которые еще собственно не обрели свою правовую форму, но выступают предпосылками для создания правовых норм. Такой вид правовой практики как нельзя более вписывается в социологическое понимание права и демонстрирует его жизнь и действие самого по себе.

Следующий вид правовой практики возникает при применении уже действующих правовых норм и иллюстрирует собой многообразие правовых отношений, которые складываются в области, уже урегулированной источниками права, присущими конкретному обществу. В этом смысле правовая практика является результатом реализации права во всех его формах. В ряде случаев накопленная в ходе реализации права практика выявляет и порождает необходимость изменения действующих правовых норм, что можно охарактеризовать словами Г. Л. А. Харта о том, что «внутри права некоторые правила произведены законодательством» [Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб., 2007. С. 17]. При этом инициатива внесения изменений может исходить как от граждан и об-

щества, так и от государственных структур, уполномоченных формировать правовые нормы. Первый случай по своему существу тождествен легализации первичной правовой практики, с той лишь разницей, что данный процесс более упорядочен и формализован.

Таким образом, независимо от вида правовой практики, придание ей официального юридического статуса осуществляется только тогда, когда это действительно необходимо. Именно в этом случае можно говорить о процессе легализации, а не о создании нормативных предписаний самих по себе, часто не имеющих достаточных оснований или механизма реализации. Легализация правовой практики как нельзя более наглядно иллюстрирует и подтверждает собой основной тезис социологической школы права, что право надо искать не в нормах, а в реальной жизни. Одновременно, как это было отмечено выше, категории «легализация» и «правовая практика» могут рассматриваться и в контексте других подходов к праву, что свидетельствует об универсальности данных категорий и актуальности их исследования и применения в различных областях юриспруденции.

Н. И. Мартишина

(г. Новосибирск)

КРИЗИС НОРМАТИВНОСТИ И ЕГО ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Нормативность есть важнейшая характеристика права, представляющего собой одну из основных систем регулирования общественных отношений посредством предписаний и запретов, поэтому изменения статуса норм в социальной системе, характерные для кризисных периодов, сказываются в том числе и на функционировании права.

Если не неизбежным, то типичным результатом трансформации социальной системы в быстром темпе является возникновение аномии. По Э. Дюркгейму, это распад социальной нормативности, связанный с тем, что прежние нормы утрачивают свое значение и авторитет в глазах членов сообщества, а новые еще не обладают ни всеобщностью, ни полнотой, ни достаточной регулятивной силой. Следовательно, аномия означает не отсутствие норм как таковых, а существенное снижение их функциональности. Закономерной формой ее проявления может быть ситуация, когда в обществе одновременно действу-

ют некоторые нормы предыдущей эпохи, утверждаются нормы следующего этапа развития и формируются переходные нормы, соответствующие потребностям осуществляемой трансформации. С одной стороны, эти нормы вступают друг с другом в противоречия, с другой — между ними возникают лакуны. Ситуация еще усложняется, если вспомнить, что нормы существуют в форме стандартов, правил и идеалов, и указанные проблемы в их взаимодействии обнаруживаются на всех этих уровнях.

Аномия, если она возникает, затрагивает различные сферы социальной реальности. Можно увидеть, например, отчетливое нарастание тенденции к аномии в языке. Для современного русского языка характерно несколько направлений размывания нормативности как совокупности единых требований к функционированию языка и его осуществления в речи. Во-первых, расширяется зона допустимого в рамках нормативной речи и письма. Так, эксперимент с тотальным диктантом на протяжении последнего десятилетия выявляет не только проблемы в овладении нормами правописания, но и вариативность самих норм — при общей длине текста диктанта приблизительно в пятьсот слов в 2017 г. было определено в совокупности около ста допустимых вариантов расстановки знаков препинания. Во-вторых, глобализация привела к появлению в русском языке большого количества иноязычных заимствований — не только лексических (нередко существующих параллельно имеющимся языковым средствам), но и грамматических, а также речевых характеристик (например, темпоритма, эмоциональной нагруженности), формирующих в совокупности появление альтернативных языковых стандартов. В-третьих, произошла экспансия языковых средств, традиционно занимавших локализованные ниши в культуре (например, тюремной лексики в массовую речь). В-четвертых, были сняты некоторые фундаментальные культурные запреты, в частности на использование нецензурных слов и выражений в публичной речи, и к моменту, когда начали предприниматься попытки восстановления барьера перед ними, он был уже основательно разрушен. В-пятых, наблюдается активное перемешивание речевых практик, изначально четко дифференцированных по социальным группам (использование молодежного жаргона и молодежных форм коммуникации в СМИ, обращенных к более широкой аудитории). В-шестых, сами специалисты дискутируют о том, не следует ли корректировать языковые нормы в соответствии со складывающейся практикой, и если да, то насколько далеко можно пойти в этом направлении.

Ситуацию, сложившуюся в отношении языковых норм, в данном случае можно рассматривать как модель того, что происходит с нормами в состоянии аномии. Множественность параллельно функционирующих норм и отсутствие однозначности в разграничении регулируемых ими сфер вызывают неясность нормирования в конкретных социальных условиях. Повторяющийся же и расширяющийся опыт недостаточности нормирования обуславливает общее снижение уровня обязательности норм. Возникает ситуация, при которой «никто не знает в точности, что возможно и что невозможно, что справедливо и несправедливо. Нельзя указать границу между законными и чрезмерными требованиями» [Ковалева А. И. Аномия // Знание. Понимание. Умение. М., 2005. № 4. С. 155]. Такая ситуация оказывается универсальной для различных систем нормативных установлений. Если каждая норма оказывается вариативной, соответственно, изменяется отношение к нормативности в целом как условию социальной жизни.

Между тем именно для нормативных систем уровень их социальной поддержки напрямую влияет на возможность их функционирования. С онтологической точки зрения социальные нормы принадлежат к разряду объективного идеального бытия, и само их существование относительно к процессам социального конструирования соответствующих форм деятельности: если нормы постоянно не воспроизводятся в этом качестве, они его утрачивают. С точки зрения гносеологии нормы не обосновываются стандартными способами и не могут признаваться истинными в обычном порядке: «принцип Юма» разграничивает в этом аспекте суждения факта (со связкой «есть») и ценностные суждения (со связкой «должен») и показывает, что верификация вторых на основе первых неосуществима. Иными словами, возможности логического доказательства того, что та или иная норма правильна, необходима, должна иметь именно такой вид и т. п., принципиально ограничены.

Исчезновение внутренних механизмов поддержки норм переводит проблему их сохранения в область внешних инструментов обеспечения нормативности. Право — нормативная система, опирающаяся на наиболее сильные из таких инструментов. Именно поэтому в кризисном состоянии общества сохранение права как действующей и обладающей достаточной онтологической полнотой нормативной системы имеет особое значение.

Характеризуя понятие кризиса, Р. Генон в свое время написал: «Этимология этого слова, которую часто не учитывают при обычном его употреблении, но которую следует обязательно иметь в виду, чтобы возвра-

тить слову его изначальное и наиболее глубокое значение, делает его синонимом таких понятий, как „суд“, „решение“, „установление различий“, „различение“... В данной фазе происходит подготовка к вынесению окончательного „решения“, взвешивание всех „за“ и „против“, определение того, какие результаты являются позитивными, а какие негативными, и, наконец, окончательное выяснение того, в какую же сторону в итоге склонятся весы» [Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991. С. 5]. Представляется, что неслучайно в этой характеристике возникает ассоциация с юридическими процессами — судом, вынесением вердикта. Право как фундаментальная, разрабатываемая и активно поддерживаемая социальными институтами нормативная система может иметь не только самостоятельное, но и эталонное значение для преодоления аномии, играя роль опоры для восстановления общего статуса социальных норм и отношения к ним общества как к необходимому, в связи с чем устойчивость правовой системы приобретает особый смысл.

А. А. Мжельский

(г. Будапешт, Венгрия)

ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ КАК ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ: ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Каталог прав, которые содержит Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция), ограничивается перечнем основных гражданских и политических прав. Однако благодаря применению Европейским Судом по правам человека (далее — ЕСПЧ, Суд) расширительного толкования в судебной практике можно наблюдать возникновение и развитие такого феномена, как непрямая защита социальных прав.

Для успешной защиты того или иного нарушенного права Суду необходимо найти статью-связку, которая позволила бы преобразовать социальное право в политическое. Одной из наиболее распространенных статей-связок является ст. 1 протокола 1 Конвенции (далее — ст. 1 п. 1).

Изначально считалось, что если гражданин не участвовал в формировании фондов, из которых выплачиваются соответствующие средства, то он не может претендовать на защиту права на их получение, опираясь на ст. 1 п. 1. Так, Европейская комиссия по правам человека

приходила к выводам, что в сферу действия статьи не входят пенсии по инвалидности, частично пособия по безработице, различные формы социальной поддержки семей, на которые не были произведены отчисления. Однако с течением времени такой подход стал подвергаться критике, и в 2004 г. в решении «Стек и другие против Соединенного Королевства» [CASE OF STEC AND OTHERS v. THE UNITED KINGDOM. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-73198> (дата обращения: 20.05.2017)] судебная практика ЕСПЧ пошла по иному пути. В частности, Суд постановил, что «если в правовой системе одной из стран-членов Конвенции предусмотрены те или иные социальные выплаты, то вне зависимости от того, требовалась ли уплата каких-либо взносов в качестве условия получения выплат или нет, вышеназванные выплаты следует рассматривать как собственнический интерес (proprietary interest), который находится под защитой ст. 1 п. 1, следовательно, собственнический интерес следует рассматривать в данном случае равным категории собственность (property)».

Поскольку ЕСПЧ признает в отдельных случаях право на социальные выплаты как собственность, считаем необходимым также рассмотреть вопрос о том, может ли лицо, по мнению ЕСПЧ, быть лишено социальных выплат и, как следствие, собственности.

В деле «Азинас против Кипра» [CASE OF STEC AND OTHERS v. THE UNITED KINGDOM. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-73198> (дата обращения: 20.05.2017)] заявитель был лишен пенсии в качестве уголовного наказания. Поскольку заявитель в течение 20 лет отчислял взносы в соответствующие фонды, то Суд посчитал, что этот факт *per se* означает то, что данные отношения находятся под защитой ст. 1 п. 1. Следовательно, если лицо из законных доходов отчисляет средства на будущую пенсию, то оно никак не может быть лишено прав на ее получение. Однако суд допускает возможность изменять размер социальных выплат, в том числе в сторону их уменьшения, причем это может быть обусловлено чисто экономическими причинами. Тем не менее такая возможность не позволяет снижать размер выплат безосновательно — соответствующее решение должно быть принято на основании принципов соразмерности, обоснованности, равного распределения бремени между всеми участниками системы пенсионного обеспечения или социального страхования.

Вопрос о том, что есть соразмерность, обоснованность, пропорциональность, является крайне сложным, особенно с учетом того, что Суд может руководствоваться в качестве нормативной базы только Кон-

венцией и протоколами к ней. Такая сложность, выливающаяся в итоге в неоднозначность практики, проявляется в делах, сходных по сути, но по которым вынесены противоположные решения. В качестве иллюстрации можно привести два решения по жалобам против Италии: Маджио и другие [CASE OF MAGGIO AND OTHERS v. ITALY. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-104945> (дата обращения: 20.05.2017)] и Стефанетти [CASE OF STEFANETTI AND OTHERS v. ITALY. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-142400> (дата обращения: 20.05.2017)]. В случае с делом Маджио, решение по которому было вынесено в 2011 г., пенсии заявителей были уменьшены на 25%, в то время как в деле Стефанетти сокращение составило 65%. В первом случае ЕСПЧ не нашел нарушений ст. 1 п. 1, в отличие от второго. Судьи, выразившие частично несопадающее особое мнение во втором деле, обратили внимание на вопрос, может ли Суд вообще принимать решение о том, являлось ли такое уменьшение непропорциональным, или же Суд ограничен лишь случаями полного лишения выплат, как в деле Асмундссон против Исландии [CASE OF KJARTAN ÁSMUNDSSON v. ICELAND. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-67030> (дата обращения: 20.05.2017)].

Из-за чрезвычайно широкого понимания Судом имущественных прав в сфере социальной защиты становится очевидным, почему заявители используют ст. 1 п. 1 как основание жалобы. Временами Суд игнорирует даже сам вопрос о применимости статьи, заявляя, что применимость ст. 1 п. 1 в сфере социальной защиты «предполагается» [*I. Leijten. Social Security as a Human Rights Issue in Europe — Ramaer and Van Wiligen and the Development of Property Protection and Non Discrimination under the ECHR // Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht. № 73. 2013. P. 195*]. Изучение практики по ст. 1 п. 1 позволяет сделать вывод, что она все больше продвигается в сферу социального обеспечения, однако внешние границы такого продвижения размыты.

Д. В. Попов

(г. Омск)

ПРАВО И «ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ»

Размышления о праве сопровождают историю человечества со времен Древнего мира. Философско-правовая дискуссия длится с момента

возникновения философии права. Дискуссия эта в узловых пунктах человеческой истории переходит в ожесточенную полемику. Всякий раз такая полемика отражает серьезные социальные изменения, по большей части следуя за ними. Само рождение философско-правового дискурса в Новое время связано с чередой революционных изменений, затронувших экономику, социальную и политическую жизнь Европы.

Возвышение Республики Соединенных Провинций и их борьба за независимость против Испании, Славная революция в Англии, Великая французская революция, промышленная революция в Англии и далее повсеместно, борьба за независимость в североамериканских владениях Англии — все эти события вызвали к жизни многочисленные прецеденты, во многом определившие дальнейшее развитие правовых систем европейских государств, а также системы международного права.

Становление философии права можно рассматривать как автономный процесс развития идей. Но идеи многочисленны и взаимоисключающи. Сами по себе они — бесконечное многообразие концептов. Вспомним уподобление С. Лемом математика такому портному, который шьет фантазмагорические и даже антиантропоморфные одежды, опираясь не на мерки, снятые с людей, а исключительно на свою буйную фантазию. Но потом в это ателье приходят физики, химики, биологи и иногда обнаруживают то, что могут «носить» во вновь открывшихся обстоятельствах.

В реальности поток идей, как через фильтр, проходит через мировоззрение людей, живущих в определенную эпоху с ее конкретными обстоятельствами и острыми проблемами. Эпоха выбирает идеи, способствующие разрешению проблем, эпоха же эти идеи и формулирует. Именно идеи, намечающие выход из того или иного кризиса, впоследствии закрепляются в теории. Если использовать предложенный Н. Н. Талевым многомерный и в то же время емкий образ «Черного лебедя» — аномального, мощного по силе воздействия, непредвиденного (однако ретроспективно предсказуемого) события, то можно сказать, что именно «Черные лебеди» мировой истории отбирают жизнеспособные для общества и права идеи из всего многообразия мыслимых воззрений. «Миром движет аномальное, неизвестное и маловероятное (маловероятное с нашей нынешней, непросвещенной точки зрения)» [Талев Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2009. С. 26], в том числе в праве и политике.

Славная революция в Англии породила сначала смуту, затем сильный парламент, ограниченную власть короля, эффективные инклюзив-

ные — «включающие» в соответствующие сферы жизни — политические и экономические институты [Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М., 2015]. Славная революция вдохновила Т. Гоббса на создание Левиафана, а Дж. Локка на создание либеральной доктрины. И Гоббс, и Локк последовательно решали одну и ту же задачу: как преодолеть ведущий к хаосу кризис власти в Англии? Первый видел возможность примирения в приравнении воли государства к воле человека, олицетворяющего власть; второй — в конструировании государства-машины, исключающей возможность чрезмерного влияния чьей-то личной воли на принятие коллективных решений в рамках определенных согласованных процедур. «Левиафан, государственная машина, обеспечивающая мирное разрешение конфликтов, и должен представлять из себя машину, работающую по строгим, одинаковым для всех правилам. Только в этом случае ни одна из властных группировок не сможет использовать ее для уничтожения всех остальных; только такая машина обеспечит реальный „гражданский мир“ и гарантирует право группировок на жизнь» [Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. М., 2016. С. 345]. Реальные политические события породили решение, отразившееся в теории и ставшее определяющим для ряда влиятельных течений в политике и философии права.

Экономическая история дает нам впечатляющую вереницу событий, следствием которых стали совершенно конкретные формы социального, политического и правового устройства, обнаруживаемые в различных государствах мира. Страницы работ Ф. Листа, В. Зомбарта, Ф. Броделя, И. Валлерстайна, Дж. Арриги, У. Мак-Нила, Ч. Тилли перестрают особенными событиями, обстоятельствами и причинами, возвысившими Венецианскую, Флорентийскую и Генуэзскую республики, Республику Соединенных Провинций, Британскую империю, США.

Эмуляция преемником экономически и политически успешного предшественника [Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми. М., 2011], помноженная на эффект созидательного разрушения (Й. Шумпетер), смелое новаторство и увеличивающийся масштаб, — путь, по которому новый лидер капиталистического мира сменял предыдущего. Каждый раз новый порядок, рождавшийся во многом случайно и непредвиденно, порождал идеи, влиявшие впредь на политико-правовые системы других стран. Экспорт идей, будь то во время торговой экспансии итальянских городов-государств, военной экспансии наполеоновских войн, тотальной экспансии Pax Britannica

или *Rex Americana*, менял общественный порядок мирового сообщества и ориентировал юридический и философско-правовой дискурс в направлении, указанном лидером. Дети своих народов — Л. Б. Альберти, Г. Гроций, А. Смит, Б. Франклин — каждый по-своему осмыслили экономические и политико-правовые особенности своих стран, конвертируя произошедшие материальные изменения в мировоззренческие принципы. Юснатурализм и юспозитивизм формировались, возводя в ранг всеобщего то эффективное особенное, что создавало политические и правовые возможности для коммерческого, промышленного, военного и культурного развития стран-лидеров. Российские «Черные лебеди» реформ, бунтов, войн (Отечественной 1812 г., Крымской, Русско-японской, Первой мировой, Великой Отечественной), революций также довольно резко меняли политико-правовую систему и философско-правовую повестку. Полагаю, совершенно не случайно, что современное международное право — своеобразный гибрид естественно-правовых основополагающих документов (таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 г.) и по-нормативистски систематизированного «тела» системы международного права. Декларативная часть — мировоззренческое наследие идеалов «счастливых Черных лебедей» (Н. Н. Талеб) истории, остальное — вотчина юридической техники.

Первая четверть XXI в. — предвкушение новых глобальных перемен. Весьма вероятно, летит целый клин «Черных лебедей». Происходит смена экономического лидера. «Пока неясно, наблюдаем ли мы... начало новой стадии капиталистического развития. Но замена „старого“ региона (Северная Америка) „новым“ (Восточная Азия) в качестве наиболее динамичного центра процессов накопления капитала в мировом масштабе стала уже реальностью» [Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006. С. 418]. М. Вольф пишет, что «если Азия и дальше будет развиваться, как в последние десятилетия, она покончит с двухвековым мировым господством Европы и ее гигантского отпрыска — Северной Америки... Европа — это прошлое, США — настоящее, а Азия во главе с Китаем — это будущее мировой экономики» [Цит. по: Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М., 2009. С. 12].

Но, пожалуй, даже не географическое смещение центра экономики, а качественная трансформация самой экономики на основе новейших технологий — слабого (а может быть, сильного и даже супер-) искусственного интеллекта (ИИ), нанотехнологий, робототехни-

ки, биотехнологий — главный фактор возможных колоссальных сдвигов в современном мире и, соответственно, в мировоззрении и праве. Воспетый гуру технологической сингулярности Р. Курцвейлом невиданный рост технологии в ближайшем будущем с тревогой оценивают его оппоненты и критики: В. Виндж, Б. Джой, Н. Бостром, Е. Юдковски, Дж. Баррат. Возможное появление искусственного интеллекта человеческого уровня (ИИЧУ), способного в ходе интеллектуального взрыва стать искусственным сверхинтеллектом (ИСИ), — «Черный лебедь» № 1 современности. Безусловно, если подобная технология возможна, то она создаст новый мир, новую экономику и новое право либо навсегда разрушит все то, что было до сингулярности, сравниваемой из-за своей непредсказуемости В. Винджем с горизонтом событий черной дыры.

В лучшем случае по мере развития ИИ «через несколько лет библиотекари и исследователи всех мастей присоединятся в очередях на бирже труда к продавцам, банковским кассирам, турагентам, биржевым брокерам, кредитным менеджерам и работникам справочных служб. За ними последуют врачи, юристы, налоговые и пенсионные консультанты... Если вы работаете в информационной индустрии (а цифровая революция превращает все на свете в информационную индустрию), берегитесь» [Баррат Дж. Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. М., 2015. С. 139]. Что ждет человечество в худшем случае? Об этом говорит название процитированного исследования.

Представляется, что право и, как следствие, философско-правовая проблематика не автономны от социального развития, в котором часто вслед за эпохой под знаком одного «Черного лебедя» приходит эпоха другого «Черного лебедя». Дискретный характер развития технологии, макроэкономики и мировой политики привносит существенно новое в мировоззрение, в правовые формы узаконивания новаций и, конечно, в идейный багаж гуманитарных наук, стремящихся теоретически поспеть за ходом истории.

Аномальность и сильное воздействие «Черных лебедей» привлекают внимание теоретиков, ретроспективная предсказуемость позволяет систематизировать и упорядочить прерванную рациональную последовательность размышлений о мире, человеке и праве, ровно до следующего «Черного лебедя» мировой истории. Размышляя приземленно, можно с уверенностью сказать, что если о праве спорят на каждом углу, значит, грядут большие перемены.

Е. В. Сальников

(г. Орел)

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ КРАЙНОСТИ И НАСИЛИЯ

Общим местом в трактовках экстремизма в юридической литературе выступает указание на то, что термин «экстремизм» происходит от латинского *extremus* — крайний. Однако крайность хотя и фиксируется в качестве неотъемлемого компонента смысла экстремистского насилия, но не представляет интуитивно ясную его характеристику. Определения «радикальный», «крайний», «коренной», «экстремистский», с помощью которых в ряде случаев пытаются уточнить искомый феномен, являются если не полноценными синонимами, то ничего не конкретизирующими субъективными, относительными характеристиками. При этом попытка уточнить искомую «крайность» указанием на ее связь с насилием также не будет достаточной в силу фундаментального положения насилия в политике и связи с насилием любой власти. В результате применительно к экстремизму насилие также приобретает туманный характер «крайнего».

Как социально-политическое понятие «крайность» впервые появляется у Аристотеля, который формулирует концепцию добродетели (*arete*) как середины (*meson*) между «слишком много» и «слишком мало». Добродетель граждан есть основа политической жизни полиса, и в этом отношении крайности неприемлемы, но Аристотель никогда не говорит о связи крайности с насилием. Он подвергает осмыслению различные формы и виды политического насилия, однако ни об одном из подобных феноменов он не говорит, как о какой бы то ни было особой крайности, за исключением крайности как нарушения меры. Равным образом термин «крайность» не применяется к насилию и у Платона.

В наследии римской общественно-политической и философской мысли вопросы насилия в форме притязаний на власть, акций недовольства и протестов, заговоров и переворотов занимают одно из центральных мест. Примечательно, что ни у одного из авторов описываемые события не преподносятся как феномены крайности насилия. Нигде мы не встречаем иной трактовки крайности, кроме респондирующей к мере. Термин «крайний» вообще не употребляется в связи с анализом насилия, хотя проявления насилия претендующих на власть, незаконного насилия в римской жизни мы наблюдаем.

Насилие не является вопросом крайности и для Средневековья. Ереси, даже те, приверженцы которых вооруженно противостояли церкви на протяжении длительного времени (например, Альбигойские войны), не трактовались как феномены крайности — *extremum*. Вне зависимости от того, рассматриваем ли мы вооруженное противостояние Императора и Папы Римского, войны и столкновения европейских королей, крестовые походы и борьбу с мусульманским миром или же, наконец, крестьянские мятежи и восстания, нигде нет указания на какой бы то ни было иной смысл категории «крайность» применительно к насилию, за исключением сравнительной корреляции. Так, бунтующие крестьяне уподоблялись хронистами «бешеным псам», негодяям, разбойникам, презренным нечестивцам и т. д., но никогда хроники средневековой Европы не говорили о них как о крайних, об экстремистах. Позиция *extremum* отсутствовала как таковая.

Качественное изменение ситуации происходит в эпоху Нового времени. Показательным примером в этом отношении выступает Великобритания. Волнения и потрясения времен Генриха VIII, многообразие насилия в эпоху Елизаветы I и даже потрясения 40–50-х гг. XVII в., яркими воплощениями которых были казнь Карла I, гражданские войны и правление Кромвеля, не предлагают нам какого-либо нового смысла крайности, кроме превышения нормы. Крайность связывалась с наивысшей жестокостью, наибольшим накалом противостояния, но не имела самостоятельного значения. Ситуация в корне меняется уже спустя полвека, когда в британском парламенте за представителями партии вигов прочно закрепляется обозначение «радикалы», т. е. крайние.

Обратим внимание, что, в отличие от всех прочих эпох, в указанный период категория «крайность» приобретает новое самостоятельное значение. Виги были крайними не в силу исключительности какого-либо сотворенного ими насилия, но в силу исключительно их требований проведения парламентской реформы. Крайность определялась либеральным настроем британских политиков, выступавших за гражданские права, социальное равенство, свободу и демократию. Здесь на смену противопоставления «умеренность — крайность» приходит контрапозиция «крайность — центр».

Еще с большей ясностью эта новая контрапозиция наблюдается в конце XVIII в. во Франции. В революционном Конвенте мы видим четкую структурированность политики на центр и два политических края — правых и левых. Их крайность уже не означала исключительность. В центре, например, могли находиться политические деяте-

ли, в гораздо большей степени осуществлявшие насилие, чем их крайние оппоненты. Это указывало на то, что параллельно старому смыслу, в рамках которого крайность респондировала к умеренности, появлялся и новый смысл, в рамках которого крайность респондирует к центру, но содержание последнего отнюдь не тождественно умеренности. В связи с этим правильным будет заключить, что категория «крайность» применительно к данным субъектам используется не в сравнительном смысле, а в качестве самостоятельного указания на социально-политическую позицию. На место противопоставления «мера — крайность» приходит контрапозиция «центр — край».

Так, уже Д. Локк помещает в пространство политического центра власть, которая основывается на законе, воплощает в своей практике естественные права и свободы человека. Для Локка центр — уже не абстрактная умеренность, а государство, основанное на общественном договоре, утверждающее в реальной жизни естественные права и свободы человека, обладающее конституцией.

Центральное положение правового конституционного государства либерального толка для Д. Локка является столь основополагающим, что именно на нем строится разграничение допустимого насилия — восстания и насилия недопустимого, т. е. крайнего, а именно мятежа. Восстание допустимо в случае, если власть демонстрирует забвение естественных прав, произвол со стороны тех, кому народ отдал часть своей свободы во имя общего блага. Здесь насилие становится естественным правом народа для восстановления подлинного общества. Допустимость восстания означает, что применение насилия в этом случае уже не будет крайностью.

В противоположность этому мятежники — это те, «кто силой нарушают законы и силой же оправдывают свое нарушение» [Локк Д. Соч. : в 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 393]. Здесь насилие становится неким иным насилием, чем насилие в пространстве политического центра. Крайность формируется насилием тех, кто посягает на естественные права и справедливый конституционный порядок, порожденный общественным договором.

На протяжении XVIII–XIX вв. тенденция помещать в центр конституционное правовое государство либерального толка становится общим местом. Законченное теоретическое оформление такое видение получает в концепции германского философа и политического деятеля В. Т. Круга, который уже без всяких оговорок указывает, что крайности политической жизни определяются по отношению к либерально-демократическому обществу. Таким образом, именно в политическом

дискурсе Нового времени мы встречаемся с отдельной разновидностью насилия, при которой в обществе, наряду и в противоположность властному насилию, появляется крайнее насилие тех, кто не приемлет либерально-демократическую модель общественно-политического устройства.

Д. М. Федяев

(г. Омск)

О ПРАВОВОМ УСЛОВИИ СТАНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ОНТОЛОГИИ

Как известно, философия возникала только там, где имелись социальные классы и государство. Общеизвестны и типичные объяснения этого факта истории культуры. Во-первых, с рождением социального неравенства у некоторых появляется свободное время. Это так, но почему свободное время употребляется на философствование? Есть множество других способов его провести. Во-вторых, государство, особенно демократическое, требует умения убеждать, аргументировать. Но почему бы не ограничиться здравым смыслом и логикой? Для того чтобы убедить сограждан совершить какое-либо действие, необязательно рассуждать о мире в целом, выходя за пределы опыта. Оба условия необходимы, но недостаточны.

Философия возникает на основе мифологического мировоззрения, построенного по принципу «Я — Ты». Все в мире одушевлено, обладает характером и волей. Философское и научное мировоззрение строится по принципу «Я — Оно», причем «Оно» означает не средний род, а безличностное [Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М., 1984. С. 25–26]. С безличностным не установишь доверительных отношений, оно требует бесстрастного познания. Сила тяготения, например, ничего не хочет, она просто есть, и сетовать на ее наличие бессмысленно. Столь же бессмысленно негодовать по поводу причинной связи, диалектики возможного и действительного и т. п. В наиболее явной форме отношение «Я — Оно» представлено в естественных науках и философской онтологии, в рамках которой оценочные суждения неуместны.

Наука в ее современном понимании возникла значительно позже философии. Для становления философского мировоззрения «Оно»

в той или иной форме должно было предстать перед человеком явно и убедительно, проникнуть в жизненный мир. Такой формой явилось писаное право.

Чтобы показать некоторые особенности его становления, обратимся к двум источникам — жизнеописаниям Плутарха и исландским сагам. В данном случае допустимо рассматривать их в порядке, обратном хронологическому, поскольку в Исландии в описанный период государства нет, а в Древней Греции оно активно создается и укрепляется. В средневековой Исландии было устное законодательство, о многих персонажах говорится, что они хорошо знали законы. Некоторых именуют законоговорителями. Правда, толкование законов и их обновление существенно зависело от законоговорителей, которые были способны на законотворческую импровизацию, соответствующую конкретной ситуации.

Поразительный пример содержит сюжет о принятии христианства в Исландии. В течение одной зимы два человека склонили к христианству около половины населения. Когда же весной исландцы собрались на тинг (общее собрание), стало ясно, «что дела... запутаются безнадежно, если... не будет одних законов для всех. Если закон не будет один, то и мира не будет, а этого нельзя допускать» [*Исландские саги*. Ирландский эпос. М., 1973. С. 325]. Участники тинга были уверены, что различие в вере требует различных законов. Надо сказать, что исландцы и при общих законах энергично резали друг друга. Уважаемый всеми законоговоритель объявил, что хочет предложить общие законы для язычников и христиан, а при этом потребовал, чтобы все поклялись принять эти законы раньше, чем он их объявит. Что поделаешь, поклялись... «Вот начало наших законов, — сказал он. — Все люди должны быть у нас в Исландии христианами и верить в единого бога — отца, сына и святого духа... Если кто открыто нарушит этот закон, то будет осужден на трехгодичное изгнание, если же сделает это тайно, то останется безнаказанным... Язычникам показалось, что их крепко обманули, но новая вера была введена законом и все люди в Исландии обращены в христианство. И народ разъехался с тинга по домам» [Там же. С. 326].

Законодательство в античности, особенно в период становления, тоже носило во многом личностный характер. Так, в Афинах первым законодателем был Драконт (автор «драконовских законов»), но подлинным творцом афинской государственности и права считается Солон. Плутарх объясняет, почему он не установил подлинного равенства жизненных условий и не сделал так, чтобы в государстве не было ни бедных,

ни богатых, как это было у Ликурга в Спарте. Оказывается, «Ликург был потомком Геракла в одиннадцатом колене, был царем в Спарте много лет, пользовался большим уважением... Солон своим государственным устройством не мог достигнуть этой цели, потому что он был из демократов, человеком среднего состояния» [Плутарх. Избранные жизнеописания : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 170]. Надо думать, что будь он потомком Геракла, в Афинах установился бы строй по образцу спартанского. Весьма характерно, что Плутарх считает это возможным. Но далее Плутарх дает более реалистичную оценку: «Он применял лишь такие меры, которые, по его расчету, можно было провести путем убеждения, или такие, которые при проведении их в принудительном порядке не должны были встретить сопротивления... Вот почему впоследствии, когда его спросили, самые ли лучшие законы он дал афинянам, он ответил: „Да, самые лучшие из тех, какие они могли принять“» [Там же. С. 170]. Солон просто точно оценивал реальные возможности, о том, мечтал ли он извести богатство и бедность, вряд ли можно судить.

Со временем законодательство в античном мире совершенствовалось, примерялось к изменчивой жизни, обретало общие принципы. Законотворчество не носило публичного характера, этот процесс постепенно стал отчужденным от большинства граждан. Законодательство записывалось (на плитах, дощечках, пергаменте), что придавало законам наглядность и создавало впечатление объективности. Даже в наше время иной раз приходится слышать вопрос: «А где это написано?». В древности же «написанному» придавалось несравненно более высокое значение.

Существенно и различие в исполнении наказаний. В Исландии тинг решал, какого именно наказания заслуживает тот или иной нарушитель закона. Приведение же приговора в исполнение было делом потерпевшего и его соратников, если они располагали достаточной силой. В «Саге о Ньяле» описан один из таких эпизодов. Достойный человек, убивший в силу стечения обстоятельств несколько сограждан, был приговорен к изгнанию, но не подчинился приговору. Убить преступника, объявленного вне закона, вызвались родственники убитых, его недоброжелатели и просто общественно активные индивиды (всего 40 человек). В результате, кроме преступника, были убиты двое нападавших, 16 ранены. В античности наказания исполняют специалисты. Это могут быть рабы (в Афинах), ликторы (в Риме), но не потерпевшие.

Складывается совсем другое отношение к преступлению: преступник виноват не перед человеком, на которого было направлено преступ-

ное действие, а перед безличным законом. В форме права — отчужденного, записанного, переданного в руки особых стражей — «Оно» встает перед человеком во весь рост.

В. М. Шкарупа

(г. Омск)

БЫТИЕ И ПРАВО: ОДНА ЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В философской литературе справедливо утверждается абстрактно-всеобщий характер как категории бытия, с одной стороны, так и категории права — с другой: «Наиболее общее и абстрактное понятие, обозначающее существование чего-либо вообще» [*Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 84]; «... как бы ни был узок круг субъектов того или иного правового сообщества, регулирующая его правовая норма (и Право в целом) носит абстрактно всеобщий (равный для всех) характер...» [*Нерсесянц В. С. Право* // Там же. С. 448]. Добавим, что глубокой логической основой сего факта является предельная абстрактность самого этого понятия, понятия бытия, покрывающая ею абстрактность любого существующего или возможного в будущем понятия. Отсюда можно усмотреть одну интересную логическую параллель между понятиями бытия и права, вытекающую из их предельной абстрактности и заключающуюся в отрицании наличия предикативности в самом средостении их сущностей. (Я сознательно беру категории бытия и права в самом общем их виде, в самом широком их значении. Именно поэтому в данном контексте не использую категорию общественного бытия, как более отвечающую родовой принадлежности по отношению к категории права, и не категорию правового бытия, сближающую сущность права как сущего с самим бытием.)

Исходя из набросанного контекста, обозначим логическую параллель между бытием и правом следующим образом: так же как 1) бытие *не является предикатом* вещи, так же и 2) право *не является предикатом* (правового) субъекта.

Первое утверждение наиболее известно в формулировке И. Канта, данной им в одной из своих работ докритического периода: «Существование вовсе не есть предикат или определение вещи... В тех же случаях, когда существование встречается в обычном словоупотреблении в качестве предиката, оно не столько предикат самой вещи, сколько предикат

кат мысли о вещи» [*Кант И.* Единственно возможное основание для доказательства бытия бога // Соч. : в 6 т. М., 1963. Т. 1. С. 401–402].

Аналогично мы могли бы утверждать, что право (правовое бытие) не есть предикат субъекта, но как существование есть «абсолютное полагание вещи» [Там же. С. 403], так и правовое существование есть абсолютное правовое *полагание* правового субъекта.

Чтобы пояснить эту аналогию, основанную на кантовском ходе мысли, которая касается отношения вещи и ее предикатов как в логическом, так и в онтологическом смысле, сошлюсь на мысль В. С. Соловьева. Он утверждал, что принцип добра и добродетель слиты воедино — в том смысле, что идея добра должна предшествовать доброму поступку, ибо чтобы поступку *быть* добрым, необходимо уже иметь перед собой *идею* добра.

Еще одна параллель — между бытием и существованием, с одной стороны, и правом и законом — с другой. Так же как существование (наряду с другими категориями — реальности, действительности) является конкретизацией и дальнейшим углублением категории бытия, так и закон выступает формой конкретизации права, конкретной формой его выражения и действия.

Итак, право в отношении к субъекту общественных отношений так же, как и бытие в отношении вещи, не есть предикат.

РАЗДЕЛ 2. ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ЛОГИКА ПРАВА

В. О. Лобовиков

(г. Екатеринбург)

ФОРМАЛЬНЫЙ ВЫВОД ЛОГИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ОНТОЛОГИИ И АКСИОЛОГИИ ПРАВА В АКСИОМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ИЗ ДОПУЩЕНИЯ АПРИОРНОСТИ ЗНАНИЯ

Великий богослов, моралист и теоретик права Фома Аквинский был склонен к отождествлению онтологии и аксиологии в их отношении к трансцендентальному бытию — предмету априорного знания. В рационалистической философии априорного знания права Фома утверждал единство необходимого бытия и необходимость всеобщего блага [*Фома Аквинский*. Сумма теологии. Т. IV: Первая часть Второй части. М., 2012].

Об обычном праве он такого не утверждал, так как считал, что оно не является алетически необходимым: возможен и иной обычай; привычки меняются, зависят от существующих обстоятельств, поэтому они алетически случайны. О человеческом праве, установленном людьми, он такого также не утверждал, так как понимал, что человеческое право тоже алетически случайно, изменчиво, относительно: оно (как и обычное право) — предмет знания эмпирического, а не априорного. Фома стремился к точности, ясности и полноте рассмотрения вопросов, но он писал трактаты на естественном языке, известном своей неоднозначностью, нечеткостью, что может быть причиной досадных недоразумений. Чтобы исключить возможность их появления в ходе обсуждения темы настоящей работы, перейдем к формулировке исследуемой проблемы, ее решения (и строгого обоснования этого решения) на уровне искусственного языка некой абстрактно-теоретической модели.

На искусственном языке модальной логики необходимое бытие может быть представлено в логической форме $\Box p$, где символ $\Box$ обозначает алетическую необходимость, а символ p — некое истинное или

ложное высказывание о бытии. В свою очередь, являющееся основным объектом эмпирицистской критики «необходимое добро (всеобщее благо)» на искусственном языке модальной логики может быть представлено в логической форме $\Box Gr$, где символ Gr обозначает аксиологическую морально-правовую модальность «хорошо, что r ».

Знание «алетически необходимого добра (всеобщего блага)» является априорным, поэтому «гипотетическим, сомнительным» для представителей крайнего эмпиризма и скептицизма, отвергающих объективное существование рационального знания *apriori*, в частности, априорного знания необходимо положительной моральной ценности.

Если допустить, что априорное знание объективно существует и представляет собой нечто единое, непротиворечивое, однородное, то естественно предположить, что фундаментальным системообразующим фактором (глубинным основанием), обеспечивающим нетривиальную гомогенность системы априорного знания, является принцип ($\Box r \leftrightarrow \Box Gr$), где символ $\leftrightarrow$ обозначает бинарную логическую операцию «эквивалентность». В случае принятия такого предположения априорное знание оказывается действительно однородным, единым, целостным, а «необходимое добро (всеобщее благо)», о котором писал св. Фома, перестает быть «гипотетическим»: оно приобретает онтологический статус алетически необходимого бытия.

Но согласятся ли с эквивалентностью ($\Box r \leftrightarrow \Box Gr$) позитивистски настроенные юристы и моралисты (например, сторонники Дж. Мура), безоговорочно верующие (А) в невозможность следования «есть» из «хорошо» и (Б) в невозможность следования «хорошо» из «есть». Наверное, они не согласятся, если дискуссия будет вестись «по старинке», на уровне многозначного естественного языка, так как они верят в абсолютную истинность учения Дж. Мура о «натуралистических ошибках в этике». Чтобы справиться с предрассудками, нужно применить какое-то более эффективное средство убеждения, необходимо резко повысить уровень точности формулировок и строгости доказательств. Для этого целесообразно использовать искусственный язык, переведя дискуссию на уровень точных суждений и строгих рассуждений в рамках некой аксиоматической системы, например, в рамках аксиоматики философской эпистемологии [Лобовиков В. О. Аксиоматизация философской эпистемологии // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2016. Т. 36. № 4. С. 69–78]. Чтобы не перегружать статью символами искусственного языка, воздержимся от полной формулировки упомянутой аксиоматики; ограничимся тем, что представим ниже построенный

в указанной аксиоматической системе формальный вывод эквивалентности ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$) из допущения априорности знания, что p . В данной работе модальность «субъект аргюи знает, что p » обозначается символом Ap . Определение модальности Ap дается вышеупомянутой аксиоматической системой, содержащей 10 собственных аксиом. В данном тексте для вывода формулы ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$) из допущения Ap использована только одна аксиома AX-1. Упомянутый вывод — следующий ряд «шагов».

$Ap \leftrightarrow (Kp \ \& \ (\Box \neg Sp \ \& \ \Box (p \leftrightarrow \Box p) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Tp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Dp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Mp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Op) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Gp)))$: аксиома AX-1.

Ap : допущение.

$Ap \supset (Kp \ \& \ (\Box \neg Sp \ \& \ \Box (p \leftrightarrow \Box p) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Tp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Dp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Mp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Op) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Gp)))$: из 1 по правилу удаления $\leftrightarrow$.

$(Kp \ \& \ (\Box \neg Sp \ \& \ \Box (p \leftrightarrow \Box p) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Tp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Dp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Mp) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Op) \ \& \ \Box (p \leftrightarrow Gp)))$: из 2 и 3 по правилу *modusponens*.

$\Box (p \leftrightarrow Gp)$: из 4 по правилу удаления $\&$.

$(\Box (\lambda \leftrightarrow \beta) \supset (\Box \lambda \leftrightarrow \Box \beta))$: схема теорем алетической модальной логики [Фейс Р. Модальная логика. М., 1974. С. 48].

$(\Box (p \leftrightarrow Gp) \supset (\Box p \leftrightarrow \Box Gp))$: из 6 с помощью подстановки: p вместо λ ; Gp вместо β .

$(\Box p \leftrightarrow \Box Gp)$: из 5 и 7 по правилу *modusponens*.

Последовательность 1–8 представляет собой формальный вывод эквивалентности ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$) в рамках указанной аксиоматической системы из допущения априорности знания, что p . Более того, из этого допущения в указанной системе формально дедуцируется эквивалентность ($p \leftrightarrow Gp$), значит, и импликации ($p \supset Gp$), ($Gp \supset p$). Но это означает, что знаменитое учение Дж. Мура о «натуралистических ошибках» в этике и юриспруденции, вообще говоря, неверно; оно верно лишь по отношению к эмпирическому знанию фактов (т. е. случайных истин) и относительных моральных оценок.

Н. Б. Овчаренко

(г. Омск)

ДЕМАРКАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Понятие «специальное знание» — одно из самых дискуссионных в юридических науках, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, оно

является чисто юридическим, поэтому его определение мы не встретим ни в толковых, ни в философских словарях. Во-вторых, в действующих нормативных правовых актах, в частности в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, отсутствует какое-либо определение специальных знаний. В них лишь установлены круг сведущих лиц и их полномочия [Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2004. С. 94–96]. В-третьих, в юридической науке также нет единого мнения по поводу понятия специальных знаний. Существуют несколько подходов к определению специальных знаний.

Некоторые авторы рассматривают специальные знания широко, определяя их как знания, которыми обладает конкретное лицо в какой-либо области и которые должны быть гораздо шире и глубже знаний других лиц в аналогичных областях. Так, по утверждению А. А. Эйсмана, специальные знания — это «знания не общедоступные, не общеизвестные, не имеющие массового распространения, которыми обладает ограниченный круг специалистов» [об этом см.: Гришина Е. П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика. М., 2012. С. 37]. Данный подход дает обобщенное представление о сущности специальных знаний, не раскрывая всех их признаков.

Другое направление в понимании специальных знаний может быть определено как узкая трактовка специальных знаний. Представители данного подхода детализируют понятие специальных знаний, закрепляя в определении те или иные признаки. З. М. Соколовский считал, что «под специальными знаниями следует понимать совокупность сведений, полученных в результате профессиональной специальной подготовки, создающих для их обладателя возможность решения вопросов в какой-либо области» [об этом см.: Шапиро Л. Г., Степанов В. В. Специальные знания в уголовном судопроизводстве. М., 2008. С. 10]. Представителями второго подхода выделяются такие признаки специальных знаний, как профессиональная подготовка, отраслевой характер и целевое назначение применения специальных знаний.

Третье направление в понимании специальных знаний связано с их внутренней структурой. В структуре специальных знаний авторы данного подхода выделяют знания, умения (т. е. опыт) и навыки (способность лиц пользоваться научно-техническими средствами и приемами для обнаружения, фиксации и исследования доказательств).

Еще одной проблемой является отсутствие единой точки зрения по поводу самого термина «специальные знания». Ученые не пришли к еди-

ному мнению о том, какое наименование точнее и правильное отражает суть — «специальные знания» или «специальные познания». Ситуация обостряется тем, что сам законодатель не отдал предпочтения какому-либо термину. Так, в ч. 4 ст. 80 УПК РФ употребляется термин «специальные познания», в других же статьях используется термин «специальные знания» [Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. С. 123–124]. В юриспруденции существует четыре точки зрения относительно этой проблемы.

1. Понятие «специальные познания» шире, чем «специальные знания», поэтому необходимо закрепить и использовать понятие «специальные познания». Последователи этой точки зрения считают, что «познания» есть обобщающее понятие для всех структурных элементов системы того знания, которым обладает сведущее лицо в уголовном процессе (такой точки зрения придерживаются В. И. Шиканов, Е. В. Селина, А. М. Ильина и др.).

2. Понятие «специальные знания» шире, чем «специальные познания». Данный подход является самым распространенным в научной литературе. Представители его рассматривают знания как уже освоенные лицом сведения из какой-то области, а познание — как процесс достижения знания (последователи этого подхода Е. В. Ломакина, И. Н. Сорокотягин и др.).

3. Существует необходимость разграничения понятий «специальное знание» и «специальное познание». Сторонники данного подхода к разрешению проблемы выбора верного понятия считают необходимым противопоставление *знаний и познаний*. Они видят это противопоставление в прикладной составляющей, рассматривая *знания* как совокупность теоретических сведений, закрепленных в литературе, а *познания* — как арсенал практических навыков и умений по реализации знаний (указанной точки зрения придерживаются В. М. Катревич, В. Д. Арсеньев, В. Г. Заболоцкий и др.).

4. Допустимо использование обоих терминов, т. е. ученые-юристы не усматривают принципиальной разницы между понятиями «специальные знания» и «специальные познания», отрицают наличие между ними ощутимой корреляционной связи [Гришина Е. П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика. М., 2012. С. 8]. Представители данного подхода предлагают сконцентрировать свое внимание не на определении собственно понятия «знания» (или «познания»), а на тех знаниях, которые относятся к *специальным* (сторон-

ники Ю. К. Орлов, Э. Б. Мельникова, И. Л. Петрухин, И. В. Гецманова, Л. Г. Шапиро, А. А. Эксархопуло и др.).

Нам близка вторая точка зрения из вышеописанных, так как термин «знания» более допустим для употребления в юридической литературе и нормативных актах, нежели термин «познание», потому что с философской точки зрения познание является непрерывным процессом, а знание — уже законченным результатом либо результатами данного процесса. В связи с этим некорректно употребление в официальных документах и юридической литературе термина «специальные *познания*» во множественном числе. Кроме того, необходимо отметить, что знание характеризуется объективностью и передаваемостью, в то время как познание — это инструмент освоения знания, который во многих случаях субъективен и не может быть передан от одного человека к другому.

Дискуссионным остается и вопрос критерия разграничения специальных и общедоступных знаний. Т. В. Аверьянова в своих суждениях о характере специальных знаний идет еще дальше, утверждая, что термин «необщеизвестность» «не вполне корректен и данный критерий, как признак специальных знаний, не имеет права на существование, поскольку невозможно выработать объективных характеристик этого признака» [Цит. по: *Телегина Т. Д.* Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений. М., 2011. С. 35].

Таким образом, среди авторов нет единого устоявшегося мнения, какие знания следует считать специальными. Существует множество авторских трактовок этого понятия, но они не всегда являются полными и тем более не отражают правовой сущности этих терминов. Полагая, для решения изложенных проблем необходимо законодательно закрепить единое определение понятия «специальные знания» в нормативных правовых актах, чтобы прийти к единой терминологии исследуемого понятия и выявить его четкие характеризующие признаки.

Г. Ч. Синченко, Н. М. Николаенко

(г. Омск)

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ГИПЕРТОНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Словам присуща номинативная функция, они что-то обозначают. Отсюда характеристика: слово служит для именования предметов

и их свойств, явлений, отношений действительности. Но она не в полном объеме переносится на термин: термин — слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности.

Неабсолютная соразмерность термина и слова — следствие особой роли понятийного посредника между словом и объектом при условии, что слово выступает термином. Если термин служит именем понятия, то *непосредственным* значением первого служит второе. В то же время понятие есть определенный способ мыслить объект. Поэтому когда дан термин, тогда в позиции его *целевого* значения косвенно, через закрепленную в содержании понятия информацию об этом объекте (смысл), задан отражаемый понятием объект.

При этом системность, тенденции к моносемичности и наличию дефиниции, другие свойства термина реализуются только внутри терминологического поля. За его пределами термин теряет дефинитивные и системные характеристики. Терминосистемы — это как бы архипелаг, возвышающийся над океаном языка за счет его глубинной нетерминологической энергии.

С опасностью примитивной редукции слов к терминам считаются все реже. Чем это оборачивается?

Прием первый. Гипертерминологизация. Постоянный читатель академических юридических текстов не раз скользил глазами по фразам наподобие следующей: «в русском языке термины „гласно“, „публично“, „открыто“ понимаются как синонимы». Однако названные три слова не термины, они из разряда базисной лексики. Поэтому их появление в юридической работе не удивительно, но в то же время не прогнозируемо; по самой фразе вообще невозможно установить, в контекст какого рода она входит.

И все же юридический маркер просматривается — неуместное использование слова «термин». К ним причисляют все, что попадает в фокус внимания. Но научность от этого не прибывает, а убывает, потому что обращаться с терминами научно — значит обращаться с ними в соответствии с их природой, т. е. в терминологическом ключе, контролировать терминологические границы.

Прием второй. Дефинитивная экспансия. На основании того, что терминология стремится к наличию дефиниций, вслед за приписыванием словам статуса терминов их истолковывают и определяют. Редкий современный юрист, пишущий о признаках А (коммерческой тайны, контрабанды, коррупции, косвенного умысла... в принципе, чего угодно),

удержится от искушения призвать на помощь словарь: «Признак — показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь». Затем на почву раскрытых первоначальных и лексических значений «термина» накладываются определения, выработанные законодателем и научными предшественниками, а венчается вся конструкция авторской дефиницией.

Вершина дефинитивного наваждения — отождествление термина, понятия и определения: «... дефиниции „обвиняемый“, „предъявление обвинения“, несмотря на позицию Конституционного Суда РФ, неприменимы к производству по делам об административных правонарушениях», «... понятие *a* может быть использовано, во-первых, как понятие науки *A*, во-вторых, как правовая дефиниция...». Таким образом, когда слова захватываются юридическим дискурсом, тогда, по разумению многих юристов, мыслимые под ними понятия в мгновение ока перескакивают в ранг собственных определений.

С целью объективнее и точнее оценить это странное явление были сформированы примерно равнообъемные (50–60 печатных листов каждая) выборки текстов: непериодические и периодические публикации современных российских (далее — СР) и иностранных юристов (зарубежный модерн, далее — ЗМ). В количественном аспекте высчитывалась частота использования слова «термин» в каждом массиве. В качественном аспекте массив ЗМ зондировался на предмет симптоматики дефинитивной экспансии. Тривиальный вывод состоит в том, что авторы обеих категорий текстов оперируют терминологией и выполняют логические операции с соответствующими понятиями. Однако на этом трюизмы заканчиваются.

В ЗМ «термин» использовался 92 раза, в СР — 150. Частые обращения к лексическим значениям, этимологический декор, неуверенная ориентация в треугольнике «термин — понятие — дефиниция» в ЗМ не выявлены. Здесь не научная проблема служит поводом завести разговор о словах, а слова подчинены решению проблемы. Все по существу.

Мы же занимаемся нудным толкованием слов потому, что нам всюду мерещится терминология. Лингвистическая инфантильность имеет место, но не дотягивает до полной причины. Наука — максимально рационализированная форма удовлетворения потребности в предельном объяснении сущего. Помножим сказанное на специфику права. Оно властно программирует поведение, поэтому отточенность языка правового регулирования приобретает чрезвычайно весомое практическое

значение. Исходя из этого, ученые стремятся к прозрачной однозначности формулировок. Это правильно, но только если не забывать о том, что язык многослоен и критерии, адекватные одному слою, нельзя навязывать другим его ярусам.

Термины обычно «монтируются» из элементов естественного языка. Но из этого не вытекает, что материал, из которого состоят термины, подчиняется тем же законам, что и сами термины. Блоки семантики слов, из которых возводятся стены семантики терминов, ведут себя в стиле атомов и электронов, образуя не макро-, а микроуровень глоттореальности, языковой вселенной. Как следствие, ни одно слово *не эквивалентно самому себе* «экспериментально». При измерении меняются параметры микрообъекта, при толковании слово погружается в тот или иной контекст. Контексты не совпадают, в результате чего слово всякий раз предстает в обновленной перспективе.

Почему это важно? Выше мы отрицательно отозвались о высказывании «в русском языке термины „гласно“, „публично“, „открыто“ понимаются как синонимы», вводящем в параграф «Принцип гласности» одного из уголовно-процессуальных учебников. Откроем все карты.

В качестве наречий русского языка перечисленные слова синонимичны — суждение, верное при условии, что синонимия трактуется гибко. Однако заявлено, что «гласно», «публично», «открыто» равнозначны (синонимичны) как *термины*. Стало быть, предполагается терминологическая система уголовного судопроизводства. В ней слова, родственные двум из названных трех, участвуют в построении терминов «принцип гласности» и «принцип публичности». Суть второго не в гласности или открытости, а в том содержании, которое вкладывается в понятие публичного права. Поэтому от тезиса о синонимичности терминов остается голая фраза.

Стремление к точности само должно быть точно выверенным и расчетливо нацеленным. Попытки выстроить все слова в единую терминологическую шеренгу заканчиваются не оптимизацией, а деформацией конкретных познавательных моделей и самой способности создавать их научным способом. Терминологическая гипертония есть свидетельство болезненного перерождения научной ткани в квазинаучную. Безусловно, наука нуждается в терминологическом аппарате и «системе фраз». Но наука, свернувшаяся в систему фраз о собственных терминах, заинтересует одну лишь «археологию знания» будущих времен.

С. Е. Туркулец, А. В. Туркулец

(г. Хабаровск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ОНТОЛОГИИ И ГНОСЕОЛОГИИ

Традиционно считается, что онтологическая структура права выражает антиномическую полярность естественного и позитивного права. Для многих исследователей это есть отражение фундаментальной философской проблемы «сущность — существование». Как правило, большинство специалистов подчеркивает, что для философско-правового знания исключительно важным является поиск смыслового соотношения «сущностного» и «существующего» в праве. Ведь адекватное осознание данной дилеммы может служить своеобразным плацдармом в рассмотрении базовых для правоведения тем (например, обоснование принципа справедливости и механизм его реализации).

Однако в анализе бытия права следует выделять три его формы: 1) мир идей — идея права (смысл права); 2) мир знаковых форм — правовые нормы и законы (оформление права); 3) мир взаимодействий между социальными субъектами — правовая жизнь (реализация права).

Эти формы бытия права не являются статичными элементами структуры правовой реальности, а выражают его динамический аспект, процесс осуществления права в его реальной социальной предметности. Уже беглое ознакомление с этой концепцией структурного анализа бытия права показывает недостаточность использования указанной выше традиционной метафизической дилеммы «сущность — существование». В исследовании онтологических проблем философско-правового знания необходимо исходить не из метафизического полярно-противоположного принципа дуальности, а диалектического соотношения трех процессуальных характеристик: «сущность — осуществление — существование». На наш взгляд, именно процесс развертывания диалектического противоречия и воплощен в предметном соотношении трех форм бытия права (идея — символ — жизнь).

Следует заметить, что в рамках философско-правовых исследований онтологические проблемы напрямую связаны с решением гносеологических вопросов. Вот некоторые из них: каковы способы адекватного познания права; что есть истина в праве, каково ее содержание и формы выражения; каковы сущность, структура, формы, субъекты правосознания и правопонимания?

В многочисленных попытках последовательно ответить на эти вопросы сложились три общих подхода (установки): юснатурализм, этатизм, социологизм. Кратко обозначим основные тезисы каждого из них.

Юснатурализм: 1) основаниями адекватного познания права выступают объективные (духовные, ментальные) потребности человека, его естественно-исторический способ бытия в мире; 2) истина в праве — вечна, универсальна, всеобща; 3) в структуре правопознавательного процесса доминирует объект.

Право постоянно и неизменно (как закон природы), совершенно и разумно, имеет абсолютную ценность (справедливость, добро, нравственность, гуманизм). Оно объективно, автономно от человека, имеет высшее основание (например, Бог), реализуется в правах и свободах человека, представляет собой идеал (например, совокупность неких всеобщих нравственных требований к государству).

Данный подход воплощается в классическом рационализме, объективном идеализме, в концепциях естественного права. Зарубежные представители — Г. Гегель, Д. Веккио, А. П. Д'Энтрев, М. Мид, Л. Фуллер. Отечественные мыслители — Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, П. И. Новгородцев.

Этатизм: 1) основанием адекватного познания права выступает воля субъекта; 2) воля, возведенная в закон, и есть истина в праве; 3) в структуре правопознавательного процесса доминирует субъект.

Право создается волевым актом государства. Оно изменчиво и есть совокупность норм (правил поведения), установленных государством в форме закона. Главное — нормативный порядок. Признаки права: формальная определенность (писанный закон), защищенность публичной властью государства (физическое принуждение). Основная установка: «право — воля государства, возведенная в закон».

Данный подход реализуется в эмпиризме, позитивизме, утилитаризме и легистской гносеологии.

Основные положения легистской гносеологии: понятия «закон» и «право» — тождественны; закон подчиняет «обычное право» и доминирует над ним. Принуждение есть источник права. Сила власти рождает власть силы. Это насильственное, приказное «право». В легистской гносеологии осуществляется: 1) классификация, систематизация различных видов приказаний официальной власти (принудительно-обязательные установления); 2) выявление мнения законодателя, выяснение нормативно-регулятивного содержания приказаний власти. Главное здесь — буква, догма, текст, но не дух (смысл) закона. Задача — очищение

юридической терминологии от метафизических излишеств. Зарубежные представители — И. Бентам, Д. Остин, П. Лабанд, К. Бергбом. Отечественные мыслители — Г. Ф. Шершеневич, М. Н. Капустин, Н. И. Палиенко, Н. К. Ренненкамф, А. А. Рождественский, В. Д. Катков.

Социологизм: 1) основаниями адекватного познания права выступают объективные потребности и интересы социальных групп; 2) истины в праве нет, есть множество точек зрения (в зависимости от социального статуса); 3) в структуре правопознавательного процесса доминируют средства и инструменты познания.

Вся совокупность социальных отношений (группы, страты, классы; интересы и потребности и т. д.) порождает право как форму регуляции данных отношений. Право есть средство разграничения интересов и обеспечения социального порядка. Отечественные мыслители — Н. М. Коркунов, М. М. Ковалевский, С. А. Муромцев.

Данный подход выражен в теории стратификации П. А. Сорокина и марксизме (исторический материализм: право — форма общественного сознания, историческая обусловленность, вторичность права, форма эксплуатации, неизбежность преодоления «узкого горизонта права»). Представители «советского марксизма» — П. И. Стучка, Е. Б. Пашуканис, А. Я. Вышинский.

В заключение отметим, что в дальнейших исследованиях философско-правовых онтологических и гносеологических (как, впрочем, и аксиологических) установок следует исходить из их диалектических взаимосвязей, что, на наш взгляд, соответствует реальной динамике предметного поля философско-правового творчества.

О. В. Соколовская

(г. Омск)

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

И познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Евангелие от Иоанна, 8, 32

В конце XX в. в социально-экономической, духовной, идеологической сферах нашей страны произошел цивилизационный разворот. Российское государство, отражая сакральные стремления народа к свободе и социальной справедливости, конституционно продекларировало в качестве одной

из важнейших ценностей современного гражданского общества и государства защиту личных прав и свобод человека. В действительности непосредственной защитой прав и свобод человека занимаются суды. Суд в лице конкретного индивида, наделенного государством судебскими полномочиями, либо коллегиальным составом таких индивидов, обеспечивает практическую правоохранительную функцию, оформляя от имени государства окончательный судебный акт по юридическим конфликтам — «ряды материализованных мыслей» [Флоренский П. Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 9], претендующих на истинность и определяющих с точки зрения закона справедливость судебного вердикта, прямо и непосредственно материализующего провозглашаемые государством идеальные права и свободы реального человека.

Смена цивилизационной парадигмы бытия потребовала адаптации правовой системы к социальным потребностям наличного общественного бытия. При этом в основу модели реформы судебной системы была заложена англосаксонская правовая модель, отстаивающая право с позиции автономии личности, т. е. модель, выстроенная цивилизацией, в основании системы культурного кода которой исторически лежит синтез познающего разума и протестантской версии христианского персоналистического мышления, в котором «на первое место в познании мира выдвигается интуиция, в конечном счете отождествляемая с верой» [Шлайфер Н. Е. Свобода и исторический детерминизм. Критика философской концепции американского протестантизма. М., 1983. С. 77]. Данная правовая модель исторически доказала свою эффективность и жизнеспособность в условиях западного образа жизни, мышлечувствования западного социума, основанных на смысложизненных идеях католицизма и протестантизма, но глубоко чуждая традициям и быту наших людей. На эту принципиальную цивилизационную чужеродность менталитета восточных и западных христиан обращает внимание А. Дж. Тойнби: «Хотя русские были христианами, а многие и сейчас ими остаются, они никогда не принадлежали к западному христианству... Несмотря на их общие христианские корни, восточноправославное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны, что, к несчастью, мы и сегодня наблюдаем в отношениях России с Западом, хотя обе стороны находятся в так называемой постхристианской стадии своей истории» [Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003. С. 437]. При реформировании отечественной правовой системы государство по идеологическим соображениям отказалось от института объективной истины как «пережитка марксистско-ленинской политической идеологии». В результате, традиционный для отечественной

правовой системы институт объективной истины был заменен институтом состязательности судебного процесса, в котором суду отводится созерцательная роль арбитра, главная задача которого — создание равных условий сторонам для самостоятельной защиты собственных законных прав и интересов. Данная новация в процессуальной сфере отечественного судопроизводства не оправдала общественных ожиданий на справедливое судебное разбирательство и эффективную защиту прав и свобод людей. Это обстоятельство породило живой дискурс в научной среде. Опубликовано множество научных работ по данной проблеме, а Следственный комитет РФ в лице А. Бастрыкина даже инициировал законодательную инициативу о введении в уголовно-процессуальный закон института объективной истины. По его мнению, «процесс доказывания по уголовному делу должен быть ориентирован на достижение объективной истины. Это является необходимым условием правильного разрешения уголовного дела... Не способствует установлению истины и реализованная в законе модель состязательности. Она тяготеет к чуждой традиционному российскому уголовному процессу англо-американской доктрине» [Козлова Н. Суть суда. Александр Бастрыкин предлагает вернуть в судебный процесс поиск объективной истины // Рос. газета. 2012. 16 марта].

Оппоненты новации, напротив, считают, что если судья будет обязан законом в инициативном порядке осуществлять поиск совершившего преступление, то суд может стать помощником следствия в поиске доказательств обвинения и превратиться в инквизиционный орган, как это имело место в известный период советской истории. По мнению М. А. Грибановой, в СССР уголовный процесс носил ярко выраженный репрессивный характер, а предварительное расследование вместе с судебным разбирательством имели признаки инквизиционного типа [Грибанова М. А. Анализ генезиса понятия истины в уголовно-процессуальном праве России // Вестник БГУ. 2015. № 1. С. 184]. В ходе полемики по частно-прикладным проблемам процессуальных форм поиска истины объективно возникает потребность глубокого погружения в сущностное содержание самой философской категории «истина», определяющей конструктив построения гносеологических концепций по проблемам пределов глубины познания человеком реальной действительности в ходе судебного процесса. Это обусловлено тем, что истина носит антиномический характер, так как содержит в себе противоречие между двумя диаметрально противоположными утверждениями, каждое из которых доказуемо с помощью человеческой логики мышления. Как считал П. Флоренский, «истина есть суждение само-противоречивое» [Флоренский П. Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 147].

Представляется, что практическое решение вопроса защиты прав и свобод реального человека в судебном процессе лежит в плоскости диалектического взаимодействия и взаимопроникновения двух разнородных институтов: института объективной истины, отражающего сущность и глубину изучения доказательств и доводов сторон по делу, и института состязательного процесса, отражающего практическую форму и метод поиска непреложной истины по делу.

Считаем, что для получения исчерпывающих ответов по такой жизненно важной для людей проблеме, как поиск истины в судебном процессе, результатом которого является окончательный вердикт суда, определяющий права и свободы реального человека, требуется содержательный, не ангажированный какой-либо идеологией, философский, междисциплинарный анализ как отечественного, так и зарубежного опыта познания истины в суде с учетом диалектической взаимосвязи таких феноменов духовной жизни людей, как право и религия.

А. В. Червяковский

(г. Омск)

ПОНЯТИЕ «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ» И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА 2017 ГОДА

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (далее — Стратегия 2017 г.) утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Она заменила действующую до этого Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденную Президентом Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212. Стратегия 2017 г. констатирует имеющиеся на данный момент достижения и недостатки развития информационных отношений, перечисляет возможные угрозы и риски дальнейшего развития интернет-коммуникаций. Данный доктринальный документ призван определить основные параметры дальнейшего правового регулирования отношений в информационной сфере. Стратегия 2017 г. позволяет нам уяснить, как представители государства, в том числе и президент России, подписавший соответствующий указ, относятся к дальнейшей судьбе развития информационно-коммуникационных технологий, и предположить направления дальнейших действий органов государственной власти по реализации информационной функции государства.

Целью Стратегии является создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний, под ним понимается «общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации».

Термин «общество знаний» употребляется в научной литературе и средствах массовой информации. Возникновение системы понятий, описывающих общество знаний, связано с именем П. Друкера. В вышедшей в 1968 г. книге «Эпоха разрыва: ориентиры для нашего быстро меняющегося общества» раскрывается представление об обществе знаний — социологическое, эпистемологическое, экономическое и политологическое [Карпов А. О. Основные теоретические понятия общества знаний // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 9. С. 817].

Об «обществах знаний» говорится во Всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания», в котором «общество знаний» сближается с понятием «обучающееся общество». В стратегии развития информационного общества 2008 г. также закреплены цели формирования и развития информационного общества в России, но термин «общество знаний» не употребляется. В тексте Стратегии 2017 г. содержится расшифровка термина «информационное общество», под ним авторы документа понимают общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан.

Обратим внимание на некоторые положения предлагаемого в Стратегии 2017 г. определения «общества знаний». Прежде всего, что же понимается под стратегическими национальными приоритетами? В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683) закреплено, что стратегические национальные приоритеты Российской Федерации — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности. Тем самым понимание «общества знаний» напрямую связывается с обеспечением национальной безопасности в информационной сфере. Понятие «информационная безопасность» сформулировано в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации. Стратегия 2017 г. большое внимание уделяет именно обеспечению информационной безопасности государства, защите национальных интересов в информационной сфере.

В определении понятия «общество знаний» подчеркивается значимость достоверности информации. В пункте 24 Стратегии 2017 г. пере-

числяются другие факторы, влияющие на качество информации: объективность и безопасность. В научной литературе, помимо указанных выше, выделяют и другие характеристики информации, такие как научность, конкретность, полнота, достаточность, актуальность, новизна, оптимальность, точность, лаконичность.

Поиск информации — естественный, необходимый процесс для получения нужных гражданину знаний, без поиска и дальнейшей фильтрации, критического осмысления невозможно получение достоверной информации, которая выступит в роли столь желанного знания. Во Всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» отмечается, что «в основе общества знания лежит возможность находить, производить, обрабатывать, преобразовывать, распространять и использовать информацию в целях получения и применения необходимых для человеческого развития знаний». В статье 29 Конституции РФ говорится о праве граждан искать, получать, передавать, производить и распространять информацию. В статье 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закреплено право граждан и организаций осуществлять поиск и получение любой информации. Тем самым нормативные правовые акты, в том числе и Основной закон государства, различают поиск и получение информации. Стратегия 2017 г. не подчеркивает значимости поиска информации для формирования «общества знаний». В указанном документе речь идет об обществе, в котором значение имеют только «получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации».

В Стратегии 2017 г. содержится положение, что получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации имеет значение для развития гражданина, экономики и государства. Почему в определении ничего не сказано о других сферах жизни общества (социальной, культурной, политической), о других социальных и политических образованиях, существующих в обществе? В определении общества знаний отсутствуют упоминание и о роли ученых, образования и научных знаний в дальнейшем развитии общества.

В Стратегии 2017 г. декларируемое «общество знаний» не выступает синонимом «информационного общества», значительно отличается от понимания, содержащегося в работах П. Друкера и Докладе ЮНЕСКО, но близко к тем подходам, которые противопоставляют общество знаний современному состоянию развития информационного общества.

РАЗДЕЛ 3. РЕЛИГИЯ, МОРАЛЬ, ПРАВО

Е. А. Белянова

(г. Омск)

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОГО ОТРАЖЕНИЯ ТАКТИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА ОВД

Одной из целей сотрудника органов внутренних дел является достижение высокого уровня в культуре общения с гражданами, коллегами, руководством. В компоненты культурного общения входят умение выбирать такую форму общения с людьми, которая наилучшим образом отвечала бы их индивидуальным особенностям, внимание и тактичность. В настоящее время существуют различные нормативные правовые акты, регламентирующие поведение сотрудника в той или иной ситуации, статьи и монографии, содержащие памятки полицейским. Анализируя законодательство, мы сталкиваемся с проблемой определения необходимых для сотрудника ценностей и качеств. Проблематичным, на наш взгляд, является обозначение такой категории, как тактичность. В нормативных правовых актах не разъясняются категории этики и этикета, хотя они прямо используются законодателем.

Статья 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ закрепляет обязанность должностных лиц уважительно относиться к достоинству личности, не допускать поведения, которое было бы оскорбительным и унижало бы человеческое достоинство. Термин «уважительное отношение» в УПК РФ не раскрывается.

Государственный служащий, согласно Типовому кодексу этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, в своей деятельности должен:

- 1) проявлять терпимость к различным традициям других национальностей;
- 2) проявлять внимательность к гражданам и другим государственным служащим;

3) не допускать высказываний дискриминационного характера по признакам пола, расы, национальности, религии и т. д.;

4) не допускать грубости, проявления пренебрежительного отношения и предвзятых замечаний.

Перечисленные правила поведения говорят нам об одном и том же: уважении, сдержанности и тактичности.

Сотрудник полиции не должен пренебрегать этими качествами при общении с гражданами. Тактичность позволяет умело использовать арсенал возможностей психологического воздействия на человека, расположить его к себе и сформировать чувство доверия и защищенности.

Такт — это умение человека вести себя в соответствии с общепринятым этикетом и этическими нормами. Тактичность — способность соотносить свои слова, эмоции, поступки и чувства с чувствами и реакциями окружающих людей.

Сотрудник с развитым чувством такта проявляет внимание к окружающим гражданам, но не переходит границу и не показывает себя излишне навязчивым. Чувство такта и доброжелательности особенно важно при общении с приезжими гражданами. Эти люди находятся в непривычной для них обстановке, могут суетиться, нервничать. Немаловажную роль играет тактичность при общении с потерпевшими. При общении с этими категориями граждан сотрудник должен проявлять терпение, чуткость и уважение к чувствам и эмоциям пострадавших, особенно если речь идет о смерти близкого человека. В таких ситуациях недопустимо использование шуток. С лицом, перенесшим горе, лучше не говорить в веселом тоне.

При общении с правонарушителями необходимо держаться спокойно и не позволять себе использовать двусмысленные и ироничные выражения. Такая бестактность может быть неправильно понята и вызвать негативную реакцию, а иногда и послужить поводом для инцидента [Шилин В. Особенности поведения участкового уполномоченного милиции в процессе делового общения с гражданами и должностными лицами : учеб. пособие. Домодедово, 2002. С. 27]. Кроме того, проявляя бестактность и непрофессиональность, сотрудник может упустить важную информацию. Такт и выдержка помогают полицейскому решительно пресечь правонарушение.

Приемы коммуникации дают возможность установить контакт с человеком. Чувство меры и такта — то, о чем необходимо думать при общении. Собственные стереотипы не должны искажать смысл сообщения собеседника. Предвзятые представления говорят, что мы верим тому, чему хотим верить. Наши взгляды часто расходятся со взглядами и установками других людей, поэтому необходимо придерживать-

ся тактичной модели поведения, чтобы не задеть чувства собеседника. Это касается ситуации, когда сотрудник попадает в новый коллектив и ему нужно наладить контакт с коллегами и создать о себе благоприятное впечатление. Для развития чувства такта на должном уровне необходимо выработать следующие качества: профессиональное слушание, включающее в себя способность разбираться в том, что вам говорят или утверждают; мобильность, психоэмоциональную подвижность и подстройку; внимательность, которая создает первое впечатление о собеседнике [Гришин А. А., Пылев С. С. Служебный этикет сотрудников органов внутренних дел. М., 2009. С. 131].

Не менее важна тактичность при общении с руководством. Чувство профессионального такта поможет сотруднику понять, что следует говорить, а о чем стоит умолчать. Так, ни в коем случае нельзя обсуждать с начальником его и свою частную жизнь. Чем меньше подчиненные знают личного о руководителе, тем крепче его авторитет. В данном аспекте важно видеть разницу в общении в формальной и неформальной обстановке. Подчиненным нравятся руководители с чувством юмора, способные с иронией оценивать самих себя и в то же время не допускающие панибратства. Руководитель может также показать пример подчиненным в обычной, повседневной жизни, а не только на службе. Важно оказывать уважение старшим по званию: подчиненный всегда первым приветствует начальника [Бехбудов Т. Р. Полицейский этикет. Баку, 2005. С. 12].

Учитывая изложенное, необходимо помнить, как профессиональный этикет накладывает отпечаток на поведение сотрудника в целом. Сотрудники должны знать требования общественной морали, понимать их связь с правовыми установками. Знание этих правил поможет полицейскому решать проблемы в различных ситуациях в соответствии с моралью и нормами закона.

С. В. Денисенко

(г. Омск)

КОРРУПЦИОННО УСТОЙЧИВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРИОРИТЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОРАЛИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Коррупция — одно из наиболее опасных явлений российской действительности, разлагающих институты государства и гражданского

общества, а противодействие ей — насущная необходимость. Фактически признано, что коррупция в России стала системной проблемой, без решения которой невозможно дальнейшее развитие страны [О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы : указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 248]. Поиск новых путей противодействия коррупции приобретает особую значимость и актуальность, так как распространенность коррупции в современном российском обществе стала важным негативным фактором, определяющим сознание населения [Андреанов В. Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: история и современность. М., 2009. С. 362].

Коррупционную преступность следует осознать как результат морального разложения субъектов, использовавших свое должностное положение, свой статус в личных корыстных интересах. Проявление коррупции в этом контексте не только правовой феномен, но первоначальное проявление именно морального сознания, морального выбора личности и моральных стереотипов, как итог — аморального поступка. Коррупционная опасность угрожает целостности и авторитету профессионального сообщества полицейских. Эту угрозу можно поставить выше постоянных внешних угроз криминального мира. Коррупционно опасное поведение разрушает профессиональное сообщество изнутри.

В современном российском законодательстве акцентируется внимание на коррупционно опасном поведении, его предупреждении и пресечении, тогда как с точки зрения морали гораздо важнее развить устойчивость личности к коррупционной опасности. Коррупционная устойчивость — интегральная характеристика личности сотрудника, определяющая его поведение в ситуации конфликта интересов как соответствующее закону, нравственным ориентирам и ценностям общества.

Антикоррупционное законодательство активно развивается. Еще не прошло и десяти лет с момента принятия Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции», а в России уже предусмотрены многочисленные возможности правового контроля над коррупционно опасным поведением со стороны государства. Законодателем принято внушительное количество нормативных правовых актов, однако уровень коррупции в полицейской среде остается высоким.

Вместе с этой законотворческой и правоприменительной деятельностью профессиональная мораль полицейского сообщества направила всю свою силу на формирование коррупционно устойчивого поведе-

ния каждого сотрудника полиции. Антикоррупционная политика МВД России имеет четко обозначенное направление: формирование обязательного для всех сотрудников полиции единого стиля антикоррупционного поведения во всех ситуациях профессиональной деятельности. Выработан профессионально-этический стандарт поведения сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Стандарт (от англ. *standard* — норма, образец) в широком смысле слова — эталон, принимаемый за исходный для сопоставления с ним других подобных объектов. Стандарт антикоррупционного поведения сотрудника полиции включает в себя такие элементы, как запреты, ограничения, дозволения, обязанности. Каждому сотруднику органов внутренних дел необходимо не только знать точный перечень этих элементов, но и понимать, что цель стандарта состоит в придании образу профессиональной деятельности и бытовой жизни сотрудника органа внутренних дел бескомпромиссного антикоррупционного характера.

Единый стиль коррупционно устойчивого поведения немислим без осознанного выбора каждым сотрудником именно нравственной чистоплотности, неподкупности, личной преданности интересам службы, верности служебному долгу. Моральный выбор коррупционно устойчивого поведения не может быть результатом только внешнего давления на сотрудника, это должно быть глубоко осмысленное убеждение, личное нравственное самосознание. Тот факт, что с октября 2013 г. в органах внутренних дел на смену Кодексу профессиональной этики пришел Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, свидетельствует о первостепенном внимании к формированию коррупционно устойчивости как главного нравственного фундамента службы в полиции.

Однако, несмотря на правовое закрепление антикоррупционного стандарта поведения, профилактику, предупреждение и пресечение преступлений, всю проводимую работу с личным составом органов внутренних дел, существует статистика преступлений коррупционной направленности в органах внутренних дел. Очевидно, что стимулирование коррупционно устойчивого поведения сотрудников не приносит ожидаемых результатов.

Таким образом, эффективность объемного антикоррупционного законодательства для государственных служащих — особая правовая и нравственная проблема в формировании коррупционно устойчивости на государственной службе. Воспитание высоконравственного

сотрудника-профессионала, не способного к совершению преступления коррупционной направленности, вне всякого сомнения, является приоритетом профессиональной морали сотрудников органов внутренних дел.

С. В. Ефимова

(г. Омск),

М. М. Мурат

(г. Варшава, Польша)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ НОРМЫ И МИРОВАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Недавние события на Украине, связанные с Русской православной церковью, споры о передаче РПЦ Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге и другие подобные факты показывают, насколько проблема финансового участия государств в сфере религиозных отношений является острой. Общественное мнение периодически использует эмоциональные оценки какой-либо стороны, часто игнорируя обращение к нормативно-правовым документам. Не претендуя на полное освещение нормативной базы, регулирующей государственно-церковные отношения, обратимся к истокам, а именно к главным законам государств — конституциям.

Большинство современных государств, будучи светскими по существу, в конституциях по-разному заявляют о своей позиции к религиозным организациям и вере. Так, термин «светское государство» используется в ст. 14 Конституции РФ.

Франция заявила о светскости государства после Второй мировой войны, но еще в 1905 г. был принят закон об отделении церкви от государства. Исторически после конфликта с католической церковью примерно 40 тысяч католических соборов, храмов, часовен, построенных до 1905 г., оказались в собственности местных властей (коммун) или государства. Католическая церковь отказалась создать негосударственные религиозные объединения и принять в собственность церковные здания, поэтому местные власти несут бремя расходов по охране, ремонту, реставрации, содержанию этих объектов (например, собор Парижской Богоматери). Другой стороной вопроса является принцип обеспечения

свободы вероисповедания для военнослужащих, для чего Франция содержит военных капелланов в армии. Таким образом, традиция оказалась весьма серьезным препятствием для полного выполнения принципа светскости.

Еще одним государством, декларирующим принцип светскости в конституции, является Турция. Процесс, закрепивший данный принцип в 1937 г., был длительным и сложным. На наш взгляд, он был заявлен с политической целью, поскольку исламское мировоззрение достаточно устойчиво, особенно в крестьянской среде, вплоть до сегодняшнего дня. В настоящее время государство финансирует из своего бюджета мусульманские учебные заведения, издание учебников по исламу, другой религиозной литературы, оно выдает государственные дипломы о высшем и среднем образовании преподавателям ислама, имамам и хатибам, составляет учебные планы для религиозных школ и учебные планы по преподаванию ислама в светских школах.

Существуют государства с сохранением государственной церкви. Так, в Греции с 1833 г. ортодоксальная церковь является государственной, имеет финансовые привилегии. Другие церкви формально пользуются религиозной свободой. Государство выплачивает ортодоксальным священникам зарплату, компенсирует епископам основную часть расходов на церковное содержание. Остальные религиозные общины существуют за счет пожертвований и сборов.

Из собственного имущества финансируют себя государственная церковь в Великобритании и католическая церковь в Португалии.

Особенно интересно положение в странах с социалистическим прошлым. В Чешской Республике в двух документах реализуется принцип свободы совести: Конституции (ст. 112) и Хартии основных прав и свобод (ст. ст. 3, 15, 16). Зарегистрированные в Чехии церкви получают из государственного бюджета средства в качестве дотаций, они рассчитываются согласно учету количества последователей. Обследования и соответствующие выделения готовит Министерство культуры Чехии.

Статья 25 Конституции Польши провозглашает равноправность церквей и вероисповедных союзов. Но если обратиться к преамбуле, то польский народ представлен лицами как верующими в Бога (на первом месте), так и не разделяющими этой веры (на втором). Вопросы участия Польского государства в финансировании церкви весьма остры, так как после падения социализма реализуется процесс реституции, по которому церквям возвращаются земли и имущество. Государство содержит должности штатных катехизаторов, больничных капелланов, капелла-

нов пограничников, пожарных, полицейских. Дотации получают церковные университеты. Как государственное финансирование идут также дотации из Европейского Союза, которые получает Церковь. Эти моменты часто обсуждаются и критикуются в СМИ, в частных заявлениях и обращениях профессиональных групп.

Республика Сербия, заявляя в Конституции о религиозном характере государства, в то же время оговаривает, что церкви и религиозные общины должны быть отделимы от государства, ни одна религия не может быть установлена как государственная или обязательная.

Таким образом, политико-правовая терминология разных стран, закрепляющая конституционные нормы, не отражает подлинной сущности и смысла государственно-конфессиональных отношений. В одних конституциях государство характеризуется как светское (либо провозглашает принцип свободы совести и вероисповедания и невмешательства государства в дела церкви), а в реальности исторические традиции и политические предпочтения формируют условия финансового участия государства в деятельности религиозных организаций. В других случаях, напротив, законодатели утверждают религиозный характер власти, в то время как фактически церковь отделена от государства. Именно это может приводить к конфликтам внутри общества по вопросам финансового участия государства в деятельности религиозных организаций.

Р. А. Кобылкин

(г. Волгоград)

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРАВА И МОРАЛИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Право — совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношение людей в обществе [Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988. С. 467]. Если в этом определении вместо понятия «право» вставить понятие «мораль», то смысл от этого не изменится, за исключением того, что мораль не устанавливается и не охраняется государством. Мораль складывается в соответствии с принятой системой ценностей в обществе. Одной из основных ценностей является труд. Труд, как известно, помог человеку обрести себя и наполнить жизнь смыслом, а также он способство-

вал возникновению права в первобытном обществе. К. Маркс по этому поводу писал: «...право производителей пропорционально доставляемому ими труду» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 46]. Под правом он имел в виду не юридический закон, содержащиеся в нем нормы, правила поведения, запреты и дозволения, а объективный результат трудовой активности индивидов. Право для него — специфическое достояние, свойство, качество людей. К. Маркс много раз подчеркивал, что люди обретают свое право в самой своей деятельности [Там же. Т. 1. С. 122–182].

Сущность проблемы заключается в том, что от того, как мы будем трактовать для себя понятие «право», будет зависеть и момент его появления. Мы привыкли к пониманию, что мораль возникла раньше права, поскольку мораль — это те же нормы и принципы правил поведения в обществе, только не закрепленные ни в каком письменном источнике, а существующие сами по себе. Однако если трактовать право как «объективно возникающее в процессе опредмечивания субстанциональных качеств индивидов их основательное притязание на вещи, услуги, социальный статус» [Грибакин А. В. Философия права и обязанности: методология исследования // Право и закон: философско-социологические исследования : коллективная монография. Екатеринбург, 2008. С. 31], то рухнет вышеуказанная концепция возникновения морали и права.

Древний человек в процессе своего становления, заполучив собственным трудом какую-либо вещь, становился носителем права на эту вещь. В соответствии с этим возникает потребность в особой силе, которая обеспечила бы взятие на себя другими людьми, не принимавшими участия в производстве данной вещи, обязанности не посягать на нее. Такой силой поначалу и становится мораль. Под давлением авторитета вождя, старейшин, традиций, общественного осуждения (порицания), угрозы быть изгнанным из общности в сознании индивидов укоренились представления о долге, чести, нацеленные на возложение членами рода на самих себя обязанности воздерживаться от посягательств на продукт труда других. В объективно возникшей потребности защищать право индивида на вещь как раз и состоит предельное основание рождения морали, причина ее жизненности, движущая пружина развития. Мораль прогрессировала всегда ровно настолько, насколько требовалось усовершенствовать средства, механизм защиты права. Сказанное означает, что первобытный коллектив, общность людей формировались как средство культивирования, развития сил и способностей индивидов.

В течение многих лет мораль вполне справлялась с этой задачей, пока имущественная дифференциация между членами рода, племени не вынудила людей изобрести более эффективное средство в виде государственной машины и юридического закона.

Таким образом, предложенная трактовка права позволяет по-новому понять фундаментальные основания теории возникновения права и морали.

А. А. Морозов

(г. Омск)

РЕЛИГИЯ И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЭРНСТА КАССИРЕРА

В современном гуманитарном знании вновь явно присутствует проблема соотношения религии и права. Существует четкое разделение крайних позиций. С одной стороны, утверждается неразрывная связь между религиозными представлениями и правовыми предписаниями, формирующимися в конкретных исторических обстоятельствах. Аргументом в пользу близости религии и права выступает содержательное сходство религиозных и правовых норм, между которыми отдельные авторы устанавливают прямой генетический контакт. Кроме того, можно указать на формирование правовых систем внутри той или иной религиозной традиции. С другой стороны, большинство исследователей говорит об автономности права относительно религии. Становление права связывается с процессами формирования общества и образования государства. В этом случае возможно признать только косвенное воздействие религии на развитие правовых систем.

Сама проблема соотношения религии и права возникает в силу особой природы права, которое не является простым набором норм, регулирующих разнообразные общественные отношения. Право всегда формируется как особая символическая система, выражающая представления о желаемом состоянии мира, в котором одни явления утверждаются через повелительные, дозволительные и поощрительные нормы, а другие категорически отрицаются через систему запретительных норм. Вместе с тем в антропологической перспективе право — символическая система второго порядка.

Э. Кассирер обнаруживает в человеческом мире такие особенности, которые не позволяют ограничить жизнь человека биологическим

контекстом. У человека принципиально иной способ адаптации к окружающей среде, включающий, помимо рецепторов и эффекторов, еще символическую систему. «Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия — части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта» [Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 471]. Человек является *animal symbolicum* (символическое животное). Мыслитель четко различает символы и сигналы. Последние — это часть физического мира. Самыми характерными чертами символов выступают универсальная применимость и беспредельная изменчивость. Символика указывает человеку путь к «идеальному миру», который открывается с разных сторон религией, искусством, философией, наукой.

Символизм позволяет мышлению не только воспринимать объект с позиций его практического применения, но устанавливать его взаимосвязи с другими объектами. Универсальность и изменчивость символов наделяет человека способностью постоянно преобразовывать свой универсум. Символизм человеческого мышления создает возможности рефлексии, предельной абстракции. Преодолевая ограниченность простого чувственного восприятия, мысль человека способна выделять существенные черты вещей и отношений. Более того, это, согласно Э. Кассиреру, позволяет человеку формулировать идеи, расширяющие границы действительности и даже преодолевающие их. Такая способность создает основу для идеалообразующей мысли. Мысль движется от актуально данного к потенциальному, к прозрению более совершенного будущего.

Э. Кассирер выстраивает собственную антропологическую модель между двумя крайними, по его мнению, учениями о человеке: теологическим и натуралистическим. Религия не в состоянии дать теоретическое объяснение феномена человека уже в силу того, что она основана на идее непостижимости Бога. Натуралистическое понимание человека порождает иные проблемы. В нем утверждается однородность человеческого и животного мира, что делает несущественными различия между мышлением и инстинктами, оно перестает быть качественным. Кассирер приходит к мысли о невозможности субстанциального определения человека [Там же. С. 520].

Альтернативным и единственно возможным Э. Кассирер признает функциональное определение человека. Путь понимания человека лежит через анализ различных видов его деятельности. Составными частями универсума человека признаются язык, миф, религия, искусство,

наука. Их единство возможно осознать только через признание единства творческого процесса, который отражает движение человека разными путями к единой цели. Эта цель, определяющая смысл человеческой деятельности. «Человеческую культуру в ее целостности можно описать как процесс последовательного самоосвобождения человека» [Там же. С. 709]. В мифе, религии, искусстве, науке человек создает свой «идеальный мир», определяющий особое содержание его жизни.

Фактически Э. Кассирер признает разнообразные возможности всех видов человеческой деятельности. Это, конечно, не означает их равнозначности. Потенциал религии оказался богаче, чем потенциал мифа. Только в зрелых формах религии человек достигает того уровня творческих способностей и оригинальности, которые присущи религии. Высшим и наиболее специфическим достижением человеческой культуры Э. Кассирер считает науку. Он называет три важнейшие черты науки: поиск простоты, стремление дать всесторонний взгляд на мир, установление порядка.

Религия оценивается как важная, но все же промежуточная стадия движения человека к основной своей цели — максимальному раскрытию собственных возможностей. Она, конечно, осуществляла теоретическую и практическую функцию, включая в себя космологию и антропологию, с одной стороны, и формируя представление о долге и обязанностях человека — с другой. В ранних формах религии Кассирер отмечает создание системы табу, которую при всех ее недостатках он называет краеугольным камнем всего социального порядка [Там же. С. 565]. Преодоление негативных воздействий этой системы (страх, несвобода, пассивность) произошло в «высших этических религиях», в которых сформировался новый положительный идеал человеческой свободы. Вместе с тем Э. Кассирер сохраняет иерархию культурных форм, в которой высшую ступень занимает наука. За религией признается ограниченный потенциал.

Символические формы, о которых он говорит, образуют отдельные области культуры, в каждой из них человек способен реализоваться в той или иной степени. И в то же время ни одна из этих областей не имеет абсолютного характера, даже наука. Человек Э. Кассирера может выбрать религию в качестве одной из форм своей реализации, частного варианта своего символического универсума, но фактически он уже не может стать человеком религиозным. Признание любых абсолютных ценностей воспринимается как ограничение функциональных способностей человека.

Обращая философско-антропологическую систему Э. Кассирера на рассмотрение проблемы соотношения религии и права, мы будем вынуждены ограничить попытки объяснения правовых явлений религиозными смыслами и контекстами. Даже нивелирование иерархического принципа разделения символических форм, присущего системе Э. Кассирера, не отменяет того положения дел, что влияние религии имеет временные, пространственные, культурные и цивилизационные ограничения. Утверждая приоритет науки среди символических форм, он констатирует сложившуюся в современном мире ситуацию, в которой право в большей мере зависит от гуманитарного знания, представляющего осмысление практических задач, возникающих в социальных процессах. Причем это осмысление осуществляется преимущественно в гуманистическом контексте.

А. В. Петров

(г. Омск)

МЕСТО FIDES В КАНОНИЧЕСКОМ И СВЕТСКОМ ПРАВЕ

Обыденное сознание воспринимает право весьма противоречиво: как сферу, с одной стороны, чрезвычайно сложно устроенную, а потому косную, с другой — подвижную, поскольку право оказывается способным регулировать постоянно меняющуюся жизнь. Оба эти впечатления в целом верны, причем в качестве иллюстрации первого можно привести каноническое право — явление по внешности весьма архаичное. Впрочем, между каноническим и светским правом при всех различиях есть немало общего; эта общность явственно видна на примере истории христианской цивилизации, когда в раннем Средневековье оформилась система церковно-государственных отношений, а император Константин Великий не только был одним из инициаторов созыва Никейского собора 325 г., но и, именовав себя «епископом внешних дел Церкви», принимал участие в его работе. В дальнейшем на православном Востоке и латинском Западе каноническое право развивалось в нескольких различных направлениях. На Западе оно нередко стремилось конкурировать со светским правом и препятствовать ему в попытках обособиться (особенно в политических вопросах). На Востоке каноническое право в целом не выходило за рамки дополнительного регулятора отношений, управляемых кодифицированным светским правом

или обычаем либо вовсе не покидало сугубо корпоративных пределов. В конечном итоге Средние века породили конгломерат светских и канонических норм, касающихся не только сферы религиозных отношений, но и гражданской жизни.

Секуляризация, среди прочего ставшая деятельным воплощением принципа автономии светского и религиозного, разрушила это образование. Тем не менее рудименты данной связи сохранились до настоящего времени — как в виде закрепленных норм, так и в виде обычая. Как пример первого можно привести то, что в Великобритании юрисдикция главы государства так же, как и ранее, распространяется на Англиканскую Церковь. Примером второго будет обычай церковного заключения брака, в зависимости от интенсивности религиозного чувства воспринимаемый по-разному — от таинства до красивой традиции. При всем внешнем несходстве эти примеры объединяет одно — архаичность, факультативность и рудиментарность (с точки зрения модерна) такого права. Установления, обладающие этими качествами, приобретают императивный характер тогда, когда становятся объектом ценностного отношения, для которого чрезвычайно важное значение имеет его интенсивность. Иными словами, условиями возможности канонического права будут религиозный опыт, связанные с ним переживания, их интенсивность и качество, а также формируемый на этой почве образ жизни, проще говоря, то, на почве чего формируется религиозное правосознание. Между светским и каноническим правом, если рассматривать их с точки зрения качества правосознания, питающего их, есть много общего, и первое здесь — момент веры в то, что норма имеет авторитет сама по себе, т. е. автономна. Очевидно, что светское право фундируется авторитетом законодателя, а каноническое право — авторитетом церковной иерархии. В первом случае авторитет апеллирует к ценностям, в отношении которых элиминировано некогда присутствующее там христианское мировоззрение — гуманизм, эгалитарная справедливость, альтруистическое понимание блага, неизбежное воздаяние, в результате чего эти ценности стали пониматься как автономные. Во втором случае религиозный элемент элиминации не подвергается, поскольку авторитет иерархии (если говорить о христианстве) основан на апостольском правопреемстве, т. е. он богоданный. Соответственно, ценности, к которым он апеллирует, являются сугубо религиозными.

При всем внешнем несходстве этих ценностных ориентиров их объединяет одно — *fides*, т. е. вера в широком смысле: и как осознание, что исповедуемые ценности обладают высшим авторитетом, и как

твердая уверенность в том, что нечто невещественное действительно существует (здесь уместно вспомнить апостольское определение веры как «вещей обличение невидимых» [Евр. 11:1]). Эффективность светского права обеспечивается не столько верой в его безусловность и безоговорочность, сколько силой государства, чья санкция всегда принудительна и ощутима. Напротив, сейчас каноническое право обеспечивается только совестью, поскольку его санкция не носит действительно общеобязательного и неотвратимого характера. В этом отношении каноническое право сближается с моралью, поскольку непосредственно зависит от интенсивности переживания ценностных императивов, когда они из декларируемых становятся исповедуемыми. Проще говоря, относящийся серьезно к своей вере будет столь же серьезно относиться и к нормам канонического права. При дифференциации интенсивности этого переживания можно представить следующую картину. Если условно разделить религиозные и секулярные императивы в жизни личности, то в случае доминирования первых над вторыми каноническое право окажется либо в приоритете по отношению к светскому, либо будет равновесным ему в тех вопросах, где они могут конкурировать. Примером отношения первого типа может быть жизнь всякого клирика, подчиняющегося требованиям церковного устава, со всеми следующими отсюда ограничениями, принимаемыми добровольно. Примером отношения второго типа, когда требования канонического и светского права оказываются равновеликими, будет равная значимость церковного таинства брака и его регистрации органами загса. Если же в ценностных установках личности преобладает секулярное, а не религиозное, то каноническое право может вовсе не существовать как реальность сознания или же существовать эпизодически, как своеобразный атавизм. Речь о том, что в таком случае обращение к религиозному происходит не по зову религиозного чувства, а формально. Примером этого может быть стремление обвенчаться у людей, в обычных обстоятельствах далеких от Церкви и имеющих весьма смутное представление о христианстве. Мотивы этого стремления редко простираются дальше традиционного действия и обычая, несущего эстетическую или даже магическую смысловую нагрузку.

Очевидно, что отнесение к себе норм канонического права — дело сугубо добровольное и находится в прямой зависимости от интенсивности переживания веры, участия в религиозной жизни и в целом серьезного отношения к ней. Представляется, что в отношении светского права можно было бы сформулировать тождественное сужде-

ние, если заменить религиозное чувство на гуманистические идеалы и иные императивы, лежащие в основе гражданского правосознания. Собственно говоря, именно эти гуманистические идеалы и декларируются в качестве основания того, что право не исчерпывается только буквой, и за ней скрывается его дух. В обоих типах правосознания — и религиозном и светском — важное место занимает одно (хотя и поразному определяемое) явление — душа, в которой «право выступает с силой объективной ценности» [Ильин И. А. О сущности правосознания // Собр. соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 386]. Конечно, душа — понятие неправовое, но она (или ее смысловой аналог) является важным основанием правосознания; она неосознаваемая, но необходима для того, чтобы право стало фундаментом свободы и автономии, а не сделалось средоточием гетерономии и насилия.

А. П. Ярков

(г. Тюмень)

ПРАВА МУСУЛЬМАН: ПРАВОВОЕ И ВНЕПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ)

Права мусульман за временными и географическими пределами Арабского халифата зависели от характеристики воспроизводства общества на разных этапах и, соответственно, изменений в государственно-конфессиональных отношениях. В государствах Северной Азии со времен «Ясы» Чингизхана и до вхождения в состав России многие правовые нормы носили относительный характер, определяя поле «возможного», «допустимого», «запрещенного». Но даже в период Сибирского ханства на государственном уровне «не реяло зеленое знамя»; не было тотального религиозного контроля за жизнью индивида; не осуществлялось судопроизводство по шарияту; не притеснялись сторонники архаичных верований. Трактовка положения Корана, что все территории принадлежат Аллаху и верховное обладание ими передано Богом тени его на земле («Земля во власти Бога; Он отдает ее в наследие тем из рабов своих, которым хочет»), закрепляла право частной собственности на землю и «избранность» ее владельцев.

Однако институт владения землей даже в мифотворчестве сибиряков не имел сходства с ближневосточной моделью. И если учесть, что

пастбища и промысловые зоны, принадлежавшие роду, считались общей собственностью, то установка от Аллаха стала одним из аргументов для выбора веры только для правителей. Для скотоводов и промысловиков культ земли имел иную функцию и сакральное значение. Но первородная почва, бесспорно, нуждалась в охране и организованной жизни. Более жизнеспособными оказались нормы обычного родового права, где «традиции отфильтровывались и непротиворечащие канону сохранялись, оставляя впечатление преемственности с прежней правовой культурой».

Знания по праву, полученные в мектебе и медресе (а также индивидуально), различали предписанное и «отложенное» (из-за обстоятельств). Шариат в массовом сознании остался «идеальным» комплексом правил «желательного поведения». Гендерные отношения в сибирской умме также строились исходя из адата.

Включение мусульман Северной Азии в российское правовое поле проходило в общем тренде отношения к аборигенному и коренному населению как податным и «иноверцам», где ислам до 1552 г. — «религия иностранцев», а в 1552–1778 гг. — «чуждая и враждебная религия инородцев». Это вызывало желание у Русской Православной Церкви (поддержанное властью) обеспечить свое преимущество через христианизацию и ассимиляцию, что отразилось во мнении первого архиепископа Киприана: «в Сибири живут не по закону». Следствием стали бесконечные жалобы и судебные тяжбы. Бывали случаи, когда суды становились на сторону мусульман. Так, когда в 1720-х гг. стало вводиться юридическое оформление поземельного права, то принимались во внимание сачара как подтверждающие право «иноземцев» на родовую территорию.

Между тем у сибирских мусульман выстраивалась симбиозная система. И. Н. Юшков привел конкретные примеры из обычного права, шариата и судопроизводства сибирских татар и бухарцев, а в заключении написал: «Мы указали на главнейшие положения общественной жизни татар, занятые ими большею частию из преданий первых истолкователей Корана. Некоторые из этих положений, как, например, о браках, супружеских распрях, о взаимных договорах и о правах наследства, сохраняются сибирскими татарами и до настоящего времени» [Юшков И. Н. Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. 1861. № 45. С. 57].

Система взаимоотношений прошла эволюцию от гарантирования религиозных прав до юридического признания сотрудничества с ислам-

скими институтами, которые были поставлены на службу государства: в 1778–1917 гг. признан терпимой религией, введен институт указных мулл. Удаленность Оренбургского магометанского духовного собрания (чьи позиции часто идеализированы и отдалены от реальности) привела к тому, что местные власти в отношении мусульман на имперской окраине нарушали некоторые правила. Проведенная в 1819–1821 гг. ревизия вскрыла «буйный разгул чиновничьего, полицейского самовластия и деспотизма», что подвигло власть к Уставам 1822 г., один из которых посвящен вопросам управления: создавались инородческие волости, во главе которых стояли выборные лица. Но они часто оказывались безуспешными из-за фанатизма мусульман.

И все же обычное право постепенно должно было вытесняться или адаптироваться к имперскому законодательству. Создание синтеза норм (адат, шариат, российские законы) не всегда обеспечивало контроль над судопроизводством на местах. Переход планировалось осуществлять постепенно, по мере достижения «уровня цивилизованности» и гражданственности. Была попытка объявить «дикими обычаями» кросскузенные и ортокузенные браки. При разборе конкретных обстоятельств поступающие иски рассматривались на основе учета границ применимости шариата и российских законов. Закон 1826 г. подчеркивал: «...духовенство магометанское никаких особенных привилегий по сану своему не имеет и, состоя в подушном окладе или служебной по кантонам обязанности, отправляет все повинности, и по делам уголовным судится и наказывается наравне с прочими поселянами». В то же время по высочайшему повелению от 11 октября 1890 г. на территории Акмолинской области условие занятия должности муллы — знание русского языка.

Законы о состояниях отразились в правилах ведения метрических книг для мусульман.

Разрыв правовой и культурной традиции отмечен не только в центре, но и на окраинах империи уже в 1905–1906 гг., а советская власть лишь завершила его, окончательно отделив религиозные институты от государственных. Совет народных комиссаров в декабре 1917 г. обратился с воззванием «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», где провозгласил: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными» [*Обращение Совета народных комиссаров от 3 декабря (20 ноября) 1917 г. „Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока“*. URL: <http://base.garant.ru/70264378/#ixzz4n1GnGdCu> (дата обращения: 04.06.2017)]. Отмена сословий и титулов, отделение религии

от государства и школы от религии, объявленное гендерное равенство, гражданская регистрация браков носили не строго коммунистический, а общедемократический характер. Принятые в период осени 1917 — осени 1919 гг. декреты советской власти по вопросам отношения государства и религиозных институтов в Азиатской части страны фактически не реализовались, а то и вообще оказались неизвестными из-за Гражданской войны и отсутствия связей с Москвой, где новые принципы юридических отношений, как и место религии в жизни общества, определены Конституцией.

Пришедшее к власти в Омске правительство не смогло ничего изменить, а в Отзыве на проект о Национально-культурной автономии глава ведомства исповеданий в 1919 г. П. А. Прокошев написал: «...национально-культурная автономия... есть наиболее последовательное с точки зрения правового государства разрешение национального вопроса», но ее мусульманский вариант представляет «юридическую несообразность и несоответствие своему названию» и «противоречит не только основным признакам культурно-национальной автономии, но и автономии территориальной, так как предполагает управление мусульман как нечто совершенно независимое от центральной государственной власти».

После восстановления в Сибири и на Дальнем Востоке советской власти ислам (его институты) не доставлял много сложностей, а являлся «союзником» в деле противостояния более «опасной» тогда противнице — РПЦ. В ряде мест сохранялись даже шариатские суды и вакуфы. Затем началось тотальное наступление: служители всех конфессий в 1922 г. были лишены гражданских прав (известно, что среди новосибирских «лишенцев» в конце 1920-х гг. мусульман было 1,7%). С 1929 г. ужесточился контроль за соблюдением законодательства о религиозных культах, что привело к уменьшению числа приходов и закрытию мечетей. Конституция 1936 г. формально продекларировала право на свободу совести, которое призвано юридически оградить и защитить интересы человека от возможных неправомерных покушений со стороны государства, его органов и должностных лиц. Хотя, по сути, это было веротерпимостью при условии политической лояльности, но давало надежды. Мулла М. Айнуллин утверждал, что новая Конституция разрешает религии и можно открывать мечети, устраивать богослужения. Надо развернуть пропаганду по Корану. Институты религии, признанной «враждебной», отныне конструировались «сами по себе».

С 1943 г. ситуация с соблюдением Конституции стала улучшаться, но с середины 1950-х гг. пропаганда вновь характеризовалась усилением атеистической составляющей — в контексте «перехода к строительству коммунизма». Власти СССР предприняли и попытку административно-правового наступления на свободу совести. Лишь в 1970-е гг. органы советской власти и КПСС вынужденно уступили общемировым нормам, но хотели по-прежнему регулировать все сферы жизни. Принятый в 1990 г. закон СССР «О свободе совести и религиозных организаций», скорректировавший и ст. 52 Конституции, вернул право на исповедание религии, но не предусмотрел ограничение на деятельность организаций и групп, пытавшихся воспользоваться правом на свободу совести для политических целей.

Имеются различия в законодательстве отдельных субъектов РФ. Так, в 1996 г. Концепция государственно-церковных отношений в Республике Бурятия закрепила систему разделения конфессий на традиционные и нетрадиционные (среди которых был ислам).

Некоторые из запрещаемых в России с 2003 г. организаций, движений и партий отечественного и зарубежного происхождения пытались и на территории азиатской части РФ отрицать отечественные и международные правовые нормы, призывали к всеобщей исламизации, имели намерение изменить государственный строй в целях создания Всемирного халифата. Иные из руководителей Духовного управления мусульман апеллировали к правовой культуре арабских стран, считая их идеалом. Ряд обучившихся за рубежом пытались обосновать в терминах вероучения политический радикализм для дестабилизации государства и поддержки сепаратизма. Эту позицию большинство сибиряков не поддержало, так как духовное управление мусульман еще малоактивно в борьбе с экстремизмом и терроризмом, уходит от прямой полемики с исламскими радикалами по ключевым проблемам мусульманско-правовой теории, ограничиваясь общими декларациями.

РАЗДЕЛ 4. АКСИОЛОГИЯ ПРАВА

М. А. Бучакова

(г. Омск)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВА И ПРИРОДЫ

Особое внимание в сфере охраны окружающей среды уделяется взаимоотношениям «человек — природа». Этот аспект взаимоотношений потребовал принципиально иных философских подходов, новых идей о взаимодействии общества с техногенной измененной природой. В результате техногенной деятельности человечества биосфера Земли коренным образом преобразуется и становится, по определению В. И. Вернадского, ноосферой — «сферой разума». Ноосфера — мир разумных, научно обоснованных поступков в глобальном масштабе (*Вернадский В. И. Избр. соч. : в 6 т. М., 1960. Т. 5. С. 228–240*). При этом охрана окружающей среды выступает в качестве объекта взаимодействия общества и природы и представляет собой новую качественную структуру, преобразованную под действием естественных и социальных сфер.

На современном этапе развития человечества антропогенное влияние на окружающую среду стало таким высоким, что порой сложно провести грань между природой и окружающей средой. В ходе этого контакта природа продолжает жить по своим законам, оставаясь частью живой оболочки Земли. В научной литературе и в текстах законодательных актов используются термины «управление охраной окружающей среды», «управление взаимодействием общества и природы», «управление природоохранительной деятельностью». Все они означают совокупность осуществляемых органами публичной власти и иными уполномоченными субъектами действий за соблюдением требований экологического законодательства по организации и контролю, упорядочению и надзору за экологически значимым поведением людей. Экологическое управление выступает в качестве способа воздействия на общественные отношения, складывающиеся в сфере взаимодействия общества и при-

роды, и направлено на поддержание оптимального состояния окружающей среды, ее оздоровления, рационального использования природных ресурсов и в конечном счете создания благоприятных условий для жизнедеятельности людей (Бринчук М. М. Экологическое право : учебник. 4-е изд. М., 2010).

Экологическая политика Российской Федерации сформулирована в Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденных Указом Президента РФ от 30 апреля 2012 г., а также в указе Президента РФ от 1 апреля 1996 г. «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». В этих основополагающих документах закреплены задачи и цели государственной политики Российской Федерации по охране окружающей среды и зафиксирована взаимосвязь с устойчивым развитием государства. Провозглашение Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро (Бразилия), Концепции устойчивого развития ознаменовало начало качественно нового этапа охраны окружающей среды, так как данный документ предполагает комплексное и системное рассмотрение острых экологических вопросов во взаимосвязи с социальными и экономическими проблемами. Устойчивое развитие определяется как развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу возможность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. В Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию ведущей идеей является взаимодействие органов публичной власти, гражданского общества по модернизации социальных, экономических и экологических институтов государства в соответствии с современными реалиями. Тем самым предусмотрена реализация комплекса мер, направленных на сохранение жизни и здоровья человека, решение демографических проблем, борьбу с преступностью, искоренение бедности, изменение структуры потребления и уменьшение дифференциации в доходах населения, т. е. проблемы окружающей среды выступают составной частью проблем социальных, экономических. Модель устойчивого развития, установленная в нормах права, выступает формой регулирования социальной ответственности современного общества и государства за создание условий для будущих поколений удовлетворять разнообразные потребности — экономические, духовные и иные — в процессе взаимодействия с природой. К сожалению, постулаты, выработанные мировой научной мыслью, основополагающие положения нормативных документов Российской Федерации экологи-

ориентированного характера не получили широкого применения, а технологичный путь развития российской экономики продолжает оставаться приоритетным.

С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова

(г. Омск)

НБИК-ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Современная наука, получившая название постнеклассической, характеризуется направленностью на создание инновационных продуктов в человеческой жизнедеятельности. Благодаря такой науке появились и активно развиваются новые высокие технологии — нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и когнитивные технологии (далее — НБИК). Эти технологии вступают друг с другом в конвергентные (от лат. *con* — вместе и *verger* — сближение) отношения. Уже в 1990-х гг. происходит сближение и взаимодействие биологии, геномной инженерии, электроники, информационных технологий. Результатом слияния четырех технологий (нано-, био-, инфо-, когно-) должно стать объединение четырех глобальных направлений сегодняшней науки и технологий: нано- — путем атомно-молекулярного конструирования создаются новые способы лечения болезней; био- позволит вводить в конструирование неорганических материалов биологическую часть и таким образом получать гибридные материалы; информационные технологии, которые дадут возможность в такой гибридный материал или систему «подсадить» интегральную схему и в итоге получить принципиально новую интеллектуальную систему — искусственный интеллект; когнитивные технологии, основанные на изучении сознания, познания, мыслительного процесса, поведения живых существ, позволят создать искусственное сознание. Все это приводит к существенной трансформации человека.

Будущие трансформационные изменения человека не всегда направлены на лучшее. Конечно, НБИК-технологии будут способствовать продлению человеческой жизни, но они же способны трансформировать природу, человек превратится в постчеловека. «Постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие „общечеловеческого“».

потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек, — восклицает Фрэнсис Фукуяма. — Это может оказаться мир, где средний человек будет заживаться далеко за вторую сотню лет, сидя в коляске в доме престарелых и призывая никак не идущую смерть. А может быть, это окажется мягкая тирания вроде описанной в „Дивном новом мире“, где все здоровы и счастливы, но забыли смысл слов „надежда“, „страх“ или „борьба“» [Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. URL: http://royallib.com/read/fukuyama_frensis/nashe_postchelovecheskoe_budushchee_posledstviya_biotehnologicheskoy_revolyutsii.html#0 (дата обращения: 02.02.2017)].

Разум позволяет назвать три вида постчеловека: киборга, мутанта и клона. Киборг — гибрид человека и машины. «Компьютерные технологии входят в антропологию, осуществляя кардинальное расширение интерфейса „мозг — машина“ (ИММ). Когда ИММ захватывает некоторую критическую долю активностей и способностей человека — есть основание говорить, что человек превращается в Киборга» [Хоружий С. С. Проблема Постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергичной антропологии. URL: <http://medznate.ru/docs/index-82569.html> (дата обращения: 09.04.2017)]. Мутант — второй вид постчеловека, к появлению которого ведут генотехнологии. «Вхождение в мир Мутантов связывается со следующей технологической ступенью: внедрением геной инженерии зародышевых путей (germlinetherapy)... В клетках зародышевого пути — полный объем генетической информации, и потому на этой ступени открывается возможность манипулирования, вообще говоря, всем доступным наследственным материалом» [Там же]. В ходе мутаций образуются гибриды и химеры. Гибрид — результат скрещивания двух организмов таким образом, что в каждой клетке нового организма находится полный состав генов родителей (исходных организмов). Химера — организм, который содержит клетки или органы других организмов, относящихся к тому же или даже другому биологическому виду. Химеры — существа, не похожие ни на один из естественных организмов; если у существ такого типа присутствуют гены человека, его природа уже не является человеческой, она — постчеловеческая. «Мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» [Фукуяма Ф. Указ. соч.].

И, наконец, клон. «Клон — Двойник; и едва мы это сказали, тема Клона сразу же наполняется всем насыщенным личностным, экзистенциальным, психологическим содержанием, что составляет древнюю

тему Двойника в мировой литературе. Тема неразрывно сопряжена с мотивами отталкивания, ужаса, душевного потрясения. Двойник несет конец, смерть моей личностной уникальности; а, судя по всему, наша уникальность — настолько существенный элемент нашей идентичности, нашей „человечности“, что лишение ее — травма, последствия которой пока неведомы. Феномен Двойника — ergo, феномен Клона — *есть смерть уникальности и травма идентичности*. Этот аспект наиболее приоткрывает его антропологическую суть и риски связанных с ним стратегий» [Хоружий С. С. Указ. соч.]. Ф. Фукуяма тоже относит клонирование к самым опасным антропологическим практикам: «Есть вещи, которые должны быть запрещены безоговорочно. Одна из них — репродуктивное клонирование, то есть клонирование с намерением создать ребенка» [Фукуяма Ф. Указ. соч.].

Высокотехнологические антропологические практики таят угрозу человеческой природе, на этом основано стремление их запретить: «Не допускается практика, противоречащая человеческому достоинству, такая, как практика клонирования для воспроизводства человеческой особи. Государствам и компетентным международным организациям предлагается сотрудничать в целях выявления такой практики и принятия на национальном и международном уровнях необходимых мер в соответствии с принципами, изложенными в настоящей Декларации» [Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека : принята 11 ноября 1997 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 02.02.2017)].

В юридической науке появляются попытки осмысления проблемы клонирования и угроз, связанных с ним. «На основании положений действующего российского законодательства создание клонированного человеческого существа приведет к серьезной юридической коллизии. Дело в том, что из нормативных правовых актов, регулирующих регистрацию рождения человека, косвенно вытекает презумпция, согласно которой человек является результатом зачатия. Клон не будет являться результатом зачатия. Вследствие этого на него не будет распространяться ряд важнейших нормативных актов. В то же время клон появится на свет после вынашивания и рождения его суррогатной матерью. Это обстоятельство будет требовать признания за ним правосубъектности на основании факта рождения» [Никитина А. Е. Правовое урегулирование медицинских технологий : теоретико-правовой аспект : дис. ...

канд. юрид. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/pravovoe-regulirovanie-biomeditsinskikh-tehnologii-teoretiko-pravovoi-aspekt> (дата обращения: 17.02.2017)].

В связи с изложенными выше причинами автор указанной диссертации предлагает наложить мораторий на клонирование человека в Российской Федерации и считает, что это «противоречит концепции человеческого достоинства, видящей человеческое существо неповторимым и самоценным; это опасно с точки зрения медицинских последствий (может привести к различного рода дефектам и отклонениям здоровья как матери, так и клона); это приведет к нивелированию ценности семьи и, как следствие, к дестабилизации всего человеческого общества; это, наряду с анонимным донорством половых клеток, будет уменьшать генетическое разнообразие человечества, а также повышать риск кровосмешения. На случай открытия новых научных фактов, которые могут изменить отношение к клонированию, необходимо предусмотреть возможность пересмотра положений, запрещающих клонирование» [Там же]. Таким образом, антропологическим результатом НБИК-технологии может быть такая трансформация природы человека, что он потеряет свой человеческий облик и человеческую сущность, превратившись или в Киборга, или в Мутанта, или в Клона. Для защиты права человека быть человеком необходимо ввести правовые запреты над экспериментированием с человеческой природой.

С. В. Козлов

(г. Тверь)

ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

Легитимность социально-политического порядка предполагает наличие определенных норм, правил, регламентаций разного рода и их принятие, соблюдение если не обществом в целом, то значимой его частью. Это возможно лишь в условиях некоей социальной целостности.

Если представить политическую власть как организованную зависимость одних людей от других в рамках признаваемой ими общей социально-политической идеи, то логично утверждать, что критерием легитимности здесь служит идея, объединившая данных людей. По мнению А.-Н. З. Дибирова, наиболее важными моментами идей, полагае-

мых в качестве регулятивных принципов социального функционирования, представляются: 1) фиксируемое в них отношение к религии (различные варианты религиозных и светских форм легитимности); 2) представления об отношении государства как политического института к сфере частной жизни людей (гражданскому обществу) [Дибиров А.–Н. З. Легитимность государственной власти и ее основные типы // Государственная служба. 2002. № 2. С. 119]. В конечном итоге подразумевается соотнесенность этих идей с более широким социокультурным контекстом, укладом. Следует указать на две фундаментальные идеи, повлиявшие на «институциональный дизайн» социально-политических реалий: 1) религиозную идею, в рамках которой легитимной считается та нормативная и социально-политическая структура, которая в своей основе отражает и поддерживает высший, сакральный порядок, а властные полномочия исходят из сферы божественного; 2) идею «служения народу» как единственному «земному богу» и источнику верховной власти, оформившуюся в итоге в чисто светский принцип легитимности государственной власти [Дибиров А.–Н. З., Пронский Л. М. О природе политической власти // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2002. № 2. С. 59–60].

В данном контексте обратимся к понятию «народная перспектива в политике», обсуждаемому рядом философов и политологов постсоветского пространства. Построения в духе «народной перспективы», будучи связанными с интерпретацией некоторых идей Н. Макиавелли, отсылают к проблеме соотношения политических и моральных ценностей, морали «частной» и «политической». На взгляд Б. Г. Капустина, сущность последней состоит в том, что «в ней осуществляется, разрешается и воспроизводится вновь то неустранимое противоречие между политикой как коллективно организованной, конфликтной, властной деятельностью плюральных субъектов и (частной) моралью как совокупностью „трансцендентных“, универсалистских и императивных ориентаций индивидуального сознания» [Капустин Б. Г. Различие и связь между политической и частной моралью // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 5]. Постулаты специфической политической морали, как полагает российский философ, являются выражением «народной перспективы», выступающей этическим пределом политики и власти. «Политик утрачивает эту перспективу, если мотивом его поступков оказываются корыстные интересы властей предрежащих. Однако, руководствуясь общечеловеческой моралью, он обрекает себя на пассивность, поскольку любое подлинно политическое действие требует разделения на „своих“

и „чужих“» [Цит. по: *Материалы виртуальной мастерской по политической философии* // Политические исследования. 2002. № 4. С. 98].

О. В. Гаман-Голутвина, двигаясь в русле «политического реализма», конкретизирует рассуждения об этическом измерении политики утверждением, что определяющим критерием нравственности здесь является соответствие политики национально-государственным интересам. При этом «либеральная парадигма», трактующая «политику в целом и мировую в частности как сферу сотрудничества, взаимопомощи, безопасности, права, интеграции» рассматривается ею как «идеалистическая» [Гаман-Голутвина О. В. Соотношение политики и морали: российский вариант // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 4. С. 22–23].

При всей реалистичности данных построений представляется, что ориентация политики лишь на «народную перспективу» или же «государственный интерес» не может быть признана достаточной: в правовом государстве принципиально важной является ответственность власти перед законом и правом, ориентация на права и свободы личности.

В связи с этим интересна позиция Г. А. Гребенника. Разрабатывая проблему соотношения социально-политической реальности и морали, он акцентирует «макиавеллианский» и «кантианский» дискурсы: «Если макиавеллианский дискурс — это дискурс власти, который осуществляется наверху социальной иерархии и посредством гигантского аппарата, то кантианский дискурс — это дискурс свободы, дискурс одного, скажем, рядового избирателя». При этом свобода — это «бытийственная категория, в политике она приземлена, расщеплена на свободы и права, но свое первородство она выражает в морали, понимаемой по-кантовски — как универсальная, абсолютная структура ценностей. Без нее политика утратит свое „небо“. Мы потеряем сам критерий моральности. Неужели морально все то, что служит укреплению государства?» [Гребенник Г. А. Два жанра одной темы. URL: http://politology2004.narod.ru/articles/two_genre.htm (дата обращения: 29.04.17)]. По мнению автора, именно моральная мотивация, включающая представление о личном достоинстве и правах человека, выступает важнейшей мотивацией гражданской активности в демократическом обществе, а «массовидность дискурса свободы и качество политической культуры определяют качество демократического строя» [Там же].

Насколько этически оправданным выглядит некий порядок, власть? Какое моральное основание они имеют под собой? Данный аспект традиционно значим как в этико-политических рефлексиях социальных

мыслителей, так и для массового сознания. Более того, вопросы легитимности могут сводиться в конечном счете к вопросам моральных прав: так как власть сопряжена с насилием, политические явления оцениваются с точки зрения уместности и «праведности» его применения, а само понятие о легитимности отсылает нас не только к юридическому авторитету, но и к моральному праву, поэтому суть дела может заключаться в том, как осуществляется связь права и морали через утверждение легитимности.

В заключение отметим, что современное легально-правовое развитие общества фундируется наследием эпохи Просвещения, утверждающим в качестве морально-правовой константы идею автономного и ответственного индивида, границы свободы которого определены и гарантированы в той степени, в какой она (свобода индивида) могла бы сочетаться со свободой других. К осуществлению при этом полагается форма ассоциации, защищающая и ограждающая «всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации» [Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1998. С. 207]. Утверждаемое на этой основе согласие имеет идеальный характер: устанавливается оно не столько в процессе фактически заключенного «общественного договора», сколько в договоре, подразумеваемом и негласном, рождающемся в ходе становления общественно-политического сознания сообщества, ретроспективно, в результате коммуникации и рефлексии (Рикёр П. История и истина. СПб., 2002. С. 292–293). Состояние легитимности при этом представляется как относящееся к той искомой точке, где совпадают право и мораль.

В. И. Красиков

(г. Москва)

МИР СЕГОДНЯ: ОСНОВНЫЕ ИНГРЕДИЕНТЫ МИРОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Недавно произошли серьезные глобальные изменения, наложившие на ранее появившиеся неприятные тенденции, вкуче создающие непредвиденные, чреватые мировыми потрясениями обстоятельства.

Рассмотрим некоторые факты, ставшие главными дестабилизирующими трендами современности.

1. Развитые страны Запада в настоящее время переживают *кризис демократии и радикализацию общественного дискурса*.

Кризис начался в июне 2016 г., когда сторонники брексита в Великобритании одержали победу. Через три месяца произошло «восстание избирателей» и внутриэлитный путч Д. Трампа. Выборы во Франции привели к власти никому не известного Э. Макрона. И во всех случаях налицо резкая поляризация политических сил и ожесточенная борьба между элитами.

Коренные причины этих событий: недоверие к традиционным институтам, общественная фрагментация, усиление внутренних противоречий, делегитимизация элит, развал системы сдержек и противовесов, а все это вкупе порождает рост нетерпимости и популизм.

2. Кризис демократии распространяется и на основанное на ней западное государство. Снижение темпов экономического роста, возрастание долговой нагрузки и старение населения являются объективной подоплекой *кризиса политических систем национальных государств*. Государству уже просто не верят, тем более в условиях хронических коррупционных скандалов (Ф. Фийон, М. Ле Пен) и двойных стандартов в отношении правоприменения — к представителям элит и к остальному населению.

3. Существенным фактором, спровоцировавшим начало кризиса демократии и западного государства, стало *новое «великое переселение народов»*, живо напоминающее соответствующее явление кануна падения Римской империи. Число мигрантов достигло в 2015 г. 310 млн человек, причем большинство из них — мужчины дееспособного возраста.

4. Наконец, еще один важнейший фактор — *новый виток бесконтрольного развития технологий*, которое приобретает неспециализированный, многофункциональный характер. Это робототехника и автоматизация, искусственный интеллект и новые материалы, нетрадиционные источники энергии и информационные технологии. Причем они становятся дешевле, компактнее и доступнее для отдельных лиц и небольших групп.

Сюда добавляется поток *новых финансовых изобретений*: блокчейн-технологии; нерегулируемые платежные сервисы; краудинвестинг и краудлэндинг; применение искусственного интеллекта для обработки больших данных и пр. В противостоянии им начинает распадаться традиционная банковская система, базирующаяся на господстве центральных банков, национальной юрисдикции и хранимых транзакциях.

Другие факторы субъектны, это, скорее, *акторы нестабильности*.

1. Увеличение числа *гибридных государств*, в которых перемешаны элементы демократии с чертами авторитарного правления. Внутренняя жизнь здесь подвергается консервации во всех ее проявлениях. Сочетание кланового капитализма с нарастающими внешнеполитическими, экономическими и коррупционными трудностями вкупе с террористическими угрозами приводит к падению уровня жизни подавляющей части населения параллельно с ужесточением авторитаризма правящих элит. Подобная ситуация чревата социальными волнениями, напряженностью и элитным расколом.

2. Наличие *экономически слабых государств* (в Африке и Азии), в которых из-за хронических внутренних неурядиц, высокого уровня гражданского насилия, авторитаризма правления, большой смертности среди всех демографических групп и низкой продолжительности жизни средний возраст населения будет 25 лет или меньше.

3. Итоги игр сверхдержав — *разрушающиеся общества* (Сирия, Ирак, Сомали, Ливия и др.) и *несостоявшиеся государства* (квазигосударства в бывшем СССР), которые умножаются от десятилетия к десятилетию. «Вклад» подобных образований в формирующийся мировой беспорядок очевиден и беспрецедентен — их территории становятся «материнскими платами» возникновения террористических государств, базой размещения преступных группировок.

4. Самый видный актер мирового беспорядка — *глобальные религиозно-политические движения*. Они появились в 90-х гг. прошлого века как важнейшее следствие начала глобального религиозного возрождения, причем не только исламского, и претерпели определенную эволюцию. На смену локальному антисоветскому джихаду в Афганистане пришли новые, уже международные организации типа Аль-Каиды. Но вот спустя десятилетие, не без помощи США (разгром хусейновского Ирака), возникает новое явление в мировом терроризме — ИГИЛ — первая локализованная форма всемирного халифата. Если Аль-Каида была так называемым мировым подпольем, организованным исламскими радикалами-интеллектуалами из зажиточных семей, то ИГИЛ — своего рода военно-религиозный орден, имеющий «кровь и почву»: семейно-феодалную территориальную основу.

5. Наименее заметный актер складывающегося мирового беспорядка, но оттого и наиболее неожиданный, — *деструктивные группы*. Как уже было сказано, динамика технологий ведет к расширению возможностей локальных небольших групп оказывать существенное влияние

на национальные государства и даже на геополитику. Особенность этих групп заключается в том, что они состоят из интеллектуалов-радикалов: высокообразованных, технически компетентных и профессионально продвинутых людей с экстремистскими убеждениями. Ранее это были анархисты, левые бунтари, правые радикалы, сегодня к ним добавляются хакерские группировки и прочие нонконформисты.

Кризис демократии и политических систем национальных государств, радикализация общественного дискурса, «великое переселение народов» и новый виток бесконтрольного развития технологий существенно подрывают оплот мировой стабильности (данного миропорядка), сложившийся четверть столетия назад, так называемые западные демократии. Однако давно известно: если где-то убудет, то в другом месте обязательно прибудет. В этих условиях ранее прозябавшие акторы нестабильности (такowymi они были по своему естественному оппозиционному месту в прежнем миропорядке) обретают новые силы и значимость. Понятно, что «глобальный беспорядок» выступает таковым лишь по отношению к прежнему господствующему миропорядку с его системой глобальных либеральных ценностей, являясь, скорее, его мировоззренческой и экзистенциальной антитезой.

Е. А. Матвиенко

(г. Волгоград)

ИЗДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ФАКТОР КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Как и любое явление культуры, идеология и практика прав человека есть продукт определенной исторической эпохи — эпохи кризиса феодализма и становления капиталистического общества. Эта идеология оказала колоссальное освобождающее воздействие на позднефеодальное общество. Затем она успешно способствовала становлению демократии, социального государства, борьбе с различными формами дискриминации и т. д. Однако с течением времени, на наш взгляд, значение этой теории снижается, ее гипертрофированное развитие порождает (и чем дальше, тем больше) массу трудностей.

Слепое следование когда-то хорошо себя зарекомендовавшей схеме без учета новых реалий способно в обозримом будущем привести к краху западной цивилизации (константы которой, заметим, являются не-

отъемлемым элементом цивилизации российской). Проиллюстрируем этот тезис на двух, казалось бы, весьма далеких друг от друга примерах.

Первый из них касается защиты прав ребенка. Благородные намерения, связанные с защитой наиболее уязвимых членов социума — детей, привели к распространению уродливых практик ювенальной юстиции, в которых извращается сам смысл отношений между родителями и детьми в рамках семьи. Смысл этот был весьма удачно сформулирован Т. А. Хагуровым. Он указывает, что вся традиционная человеческая культура построена на понимании того факта, что в семье существует определенная иерархия. «Родитель как более опытный и мудрый обладает большими правами, чем ребенок. А ребенок, начиная с определенного возраста, имеет больше обязанностей, чем прав... Дети должны слушаться родителей, родители должны заботиться о детях. Послушание и забота органично вытекают из взаимной любви детей и родителей» [Хагуров Т. А. На краю пропасти. Девиантологические этюды об образовании, культуре и политике. Краснодар, 2015. С. 105].

Сегодня, вразрез с традицией, все больше говорят о правах детей, но практически не упоминают об их обязанностях. При этом «забывают» о том, что воспитание и обучение требуют от ребенка серьезных целенаправленных усилий от его наставников и от него самого, что это — тяжелый труд. И здесь просто не обойтись без принуждения, в том числе и внешнего (со стороны родителей и педагогов). А в парадигме ювенальной юстиции любое принуждение в принципе недопустимо. Так, если вы заставляете ребенка убирать в своей комнате или ходить в супермаркет за продуктами, это трактуется как принудительное использование детского труда и является основанием для лишения родительских прав и изъятия детей из семьи. Любое «давление» на ребенка (например, чтобы заставить его сделать домашнее задание) также исключено. Постулируется тезис о полном равенстве детей и родителей, детей и учителей. Внешне это проявляется в том, что в ряде стран Западной Европы ученики обращаются к учителям просто по имени. Лозунг «равные права для всех» реализуется в форме совместного обучения здоровых детей и детей с психическими отклонениями либо детей мигрантов, плохо владеющих языком новой родины. Их «непохожесть» предписывается безусловно уважать, следствием чего являются ориентация педагога (и системы образования в целом) не на сильных, а на слабых учеников, примитивизация образовательных программ. Как итог — постепенная деградация основной массы населения. Нормальная, здоровая семья стремительно разрушается механизмами ювенальной юстиции.

Свойственная постмодернистскому сознанию интенция на безоговорочное отрицание и разрушение любых иерархий и оппозиций проявилась здесь в полной мере. Та же ситуация фиксируется и в связи с уже набившей оскомину проблемой миграции. О ней говорят много, но ее последствия осознаются далеко не всеми и далеко не полностью.

Открыто указывать на превосходство какой-либо цивилизации считается теперь чем-то неприличным (по крайней мере, в среде интеллектуалов и причисляющих себя к таковым). Однако превосходство Запада (по крайней мере, социально-экономическое) решительно признается самими мигрантами, просто уже в силу факта их эмиграции в Европу. Попытка мигрантов из Африки и с Ближнего Востока любой ценой «прорваться» на Запад и закрепиться там — следствие естественного стремления людей к лучшей жизни. Именно оно подталкивало русских к освоению Сибири, оно направляло гигантские потоки переселенцев в Новый Свет. В приведенных примерах колонизаторы по уровню экономического, технологического, научного, военного развития превосходили аборигенов, что и закончилось для последних с разной степенью трагичности. Историческая вина Запада здесь очевидна. Но якобы вытекающая из нее политика безудержной и безбрежной толерантности не способна искупить эту вину, она лишь ее усугубляет. Сейчас мы наблюдаем абсурдную ситуацию своего рода «реколонизации», причем культура менее развитая утверждается и развивается за счет более развитой. Происходит стремительная варваризация Европы, что в перспективе приведет, скорее всего, к ее «сомализации». Насколько хватит технологических и человеческих ресурсов, накопленных сотнями поколений европейцев, сказать трудно. Но речь идет максимум о нескольких десятилетиях. Потом мигранты или их дети рискуют получить в Европе все то, от чего бежали, — нищету, невежество, кровавые авторитарные режимы, единственной альтернативой которых оказываются еще более кровавые этноконфессиональные конфликты. Закат Европы, о котором пророчествовал еще О. Шпенглер, стремительно приближается, хотя произойдет он, видимо, в иных формах, чем представлялось немецкому мыслителю.

Для интеллектуальной и политической элиты Старого Света, да и для европейских обывателей, продуцируемые миграционным кризисом риски вроде бы должны быть предельно ясны. Однако решать данную проблему никто пока не торопится. Такую пассивность трудно до конца объяснить рационально. Но, несомненно, немаловажным ее фактором выступают порожденные теорией прав человека идеологические иллюзии.

Таким образом, концепция прав человека, оставаясь в основе верной, нуждается в серьезной корректировке в соответствии с принципиально новой культурно-исторической ситуацией. Возведение этой теории в некую догму ведет к своего рода «ослепленению» как носителей политической власти, так и представителей экспертного сообщества, что чревато серьезными (в перспективе неразрешимыми) проблемами, ставящими под угрозу безопасность и существование европейской цивилизации.

И. Л. Морозов

(г. Волгоград)

**ПРАВО ГРАЖДАНИНА НА ИНФОРМАЦИЮ
ИЛИ ИНФОРМАЦИОННАЯ УГРОЗА ОБЩЕСТВУ:
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ УСИЛЕНИЯ
КОНТРОЛЯ НАД ВИРТУАЛЬНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ СЕТЯМИ**

Ведущую роль Интернета как коммуникативной и организационной площадки генерации сил несистемной политической оппозиции в современной России показали массовые акции протеста 26 марта 2017 г. в России. Некоммерческая организация «Фонд борьбы с коррупцией» во главе с А. А. Навальным сумела скоординированно вывести на улицы крупнейших городов России десятки тысяч граждан, не имея ни зарегистрированной политической партии, ни государственного финансирования деятельности, ни официальных СМИ. В процессе создания в тот момент находилась только сеть так называемых предвыборных штабов Алексея Навального, представляющая собой объединения волонтеров. Актуальный вопрос, обсуждаемый экспертами в сфере политических коммуникаций, — насколько в принципе может быть эффективной стратегия информационной блокады и жесткой цензуры при современном уровне развития информационных систем [Бастрыкин А. И. Пора поставить действенный заслон информационной войне // Коммерсантъ-Власть. Аналитический еженедельник. 2016. № 15].

С развитием глобальных кибернетических систем, в частности Интернета, появилась возможность не только свободно получать любую эмпирическую информацию и аналитические обзоры, но и выкладывать в общий доступ собственную информационную продукцию. Куму-

лятивный эффект подобной деятельности, перешедшей в самостоятельный и не нуждающийся во внешнем бюрократическом регулировании процесс, со временем вполне мог ослабить (если не полностью нейтрализовать) статус официальной информации как наиболее эффективного ресурса власти в руках правящей элиты, усиливая антиэтатистские тенденции. Политико-интеллектуальные элиты передовых технократических государств осознали данную потенциальную угрозу на ранних стадиях развития Интернета. Как следствие, появление ограничительного законодательства и репрессивных действий по отношению к тем или иным социальным сегментам мирового сетевого сообщества.

Неконтролируемая всемирная компьютерная сеть может рассматриваться как потенциальное поле деятельности политических экстремистов и террористических группировок [Лобанов Н. А. Факторы усиления террористической активности группировки «Исламское государство» на территории Европейского Союза // Наука Красноярья. 2017. № 1. С. 39–52], а неполитические криминальные группировки используют Интернет в мошеннических целях регулярно (обман клиентов при электронных платежах, сбыт незаконной продукции, сделки с нарушением авторских прав, махинации с финансовыми счетами частных лиц и организаций и т. д.). Но собственно кибертерроризм (нанесение реального вреда состоянию материальных объектов, жизни и здоровью людей) как явление по настоящее время наблюдается в рамках самой сети, без серьезных последствий для «реальной сферы», не влечет за собой гибели людей или разрушения материальных объектов в политических целях. Исключение — зафиксированный в Иране факт вирусной атаки со стороны зарубежных спецслужб на программу управления центрифугами по обогащению урана. Не исключено, через несколько лет ситуация изменится, и развитие технологий откроет перед террористами новые, действительно опасные горизонты.

Государственная информационная политика современной России модифицируется, реагируя на вызовы и угрозы как внешнего, так и внутреннего генезиса (например, принятие Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»). Усиление террористической опасности и активизация экстремистских организаций диктуют линию поэтапного и последовательного ужесточения государственной цензуры, максимально возможного взятия под

контроль информационных каналов в Интернете. Однако на этом пути может возникнуть иная крайность, когда тотальный информационный контроль начнет сдерживать социально-экономическое и духовное развитие. Поиск оптимального баланса между государственным контролем и информационной свободой — задача, которая может быть решена только на совместных экспертных площадках органов власти и гражданского общества [Матвиенко Е. А. Толерантность и безопасность: диалектика взаимодействия // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике : сб. ст. Н. Новгород, 2016. С. 43–49]. Оптимальным вариантом регулирования Интернета может стать развитие независимых гражданских движений и инициатив, направленных на выявление и препятствие распространению деструктивной информации, на развитие высокого уровня виртуальной культуры и ответственности у пользователей глобальной сети.

Е. В. Семенов, Л. Н. Чертова

(г. Курган)

«ВОССТАНИЕ ЭЛИТ» ПРОТИВ «ВОССТАНИЯ МАСС»

В 1929 г. испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в своей знаменитой книге «Восстание масс» сформулировал тезис о восстании масс, точно подметив, что существовавший ранее тандем правящих и управляемых уже не мог обеспечить социальный баланс и массы в условиях развития демократии осуществили революционный поворот в сторону усиления собственного влияния. По его мнению, такая ситуация отрицательно повлияла на культуру и создала особую систему общественных связей, внутри которой каждый человек чувствовал себя исполнителем извне навязанной ему роли, что в конечном счете способствовало формированию плацдарма для господства массовых политических идеологий (фашизма и коммунизма). Однако эти явления привели к техническому и культурному прогрессу, росту комфорта и повышению качества жизни в целом. Главным актором этих процессов выступил некий усредненный человек, с доступной всем усредненной формой понимания действительности. Он в большей степени стремится к развлечениям и не желает приобщаться к каким-либо глубоким смыслам. Информационное пространство такого массового человека формируют в основном СМИ,

которые предлагают идеал комфорта и потребления. Выход из такой ситуации Х. Ортега-и-Гассет видит в создании новой элиты людей, способных на самостоятельный произвольный выбор.

К концу XX в. мировое развитие приобрело новые конфигурации, отчасти характерные для ситуации периода до «восстания масс»: произошли усиление влияния элит и активное дистанцирование их от масс. Черты такой трансформации условно обозначим термином «восстание элит», заимствовав его из работ американского философа Кристофера Лэша. При этом в нашем понимании «восстание элит» было во многом подготовлено ситуацией, созданной «восстанием масс».

Впервые термин «восстание элит» К. Лэш употребил в работе «Восстание элит и предательство демократии» (1994). В основе тенденции к росту влияния элит, по мнению К. Лэша, лежат сугубо экономические предпосылки, связанные с обнищанием среднего класса, некогда выступавшего в качестве гаранта развитого демократического общества, и актуализацией меритократии (принципа организации социальной иерархии, основанной на собственных заслугах). Меритократия, будучи одним из фундаментальных принципов распределения благ внутри общества, сыграла злую шутку с отдельными слоями населения, которые в силу определенных причин не смогли занять какое-либо значимое место в иерархии социальных достижений, поскольку тот, кто достиг высокого уровня в социальной иерархии, получил и моральное право доминировать над остальными. «Восстание элит» в представлении К. Лэша ориентировано на борьбу с демократией посредством создания двухуровневой системы социальных и юридических норм: норм для успешной элиты и норм для меньшинства неудачников [Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 71]. Такая двойственность социума стимулирует политическую элиту к созданию условий для отстранения неудачливого меньшинства от участия в управлении страной. Прежде всего, это стимулирование социальной апатии населения, которое, разочаровавшись в демократии, не проявляет интереса к участию в политике, утверждает предопределенность политических событий. Укоренению социальной апатии также способствует кризис идеологий и демократического дискурса. Так, правые и левые идеологии, создавшие демократическую конкуренцию либерализму, по мере развития исторической практики исчерпали свой политический потенциал и создали условия для «конца истории».

Итак, «восстание элит» как современный феномен, на наш взгляд, проявляется в:

— сворачивании деятельности демократических институтов. Данная тенденция наблюдается сегодня во многих странах мира. Институт выборов скомпрометирован широким распространением политических технологий (особенно деструктивных), которые, по сути, конструируют мнение большинства, исходя из стандартов элиты. На этом фоне растет политическая апатия населения, вызванная осознанием собственной незначимости в политическом процессе;

— формировании социальных иерархий. Эта тенденция проявляется, в частности, в создании двух параллельно существующих социальных миров: мира элиты и мира масс. Внешне кажущийся доступным для каждого «социальный лифт» часто работает только по направлению вниз. Если «восставшая элита» и производит ротацию кадров через вербовку новых кандидатов из большинства, то делает это в ограниченном масштабе;

— особых формах правового порядка. «Восставшие элиты» фактически обеспечили существование двух параллельных правовых систем: права избранных со специфической формой реализации справедливости и права масс, основанного на произволе правоприменения. Как отмечает Д. Роткопф, «избирательное применение закона и избирательная защита основных прав личности — один из самых опасных повторяющихся действий беспринципных лидеров. Эта концепция используется для оправдания нахождения определенных людей или учреждений выше закона, а других ставит в положение подчиненных им и беззащитных... В результате происходит коллапс морального порядка» [*Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С. 430*];

— глобальном характере. Космополитический статус современной элиты прямо вытекает из логики глобализации, которая строится на основе всеобщей унификации политических и социально-культурных процессов. Флагманом этого направления выступает «атлантический мир», формирующий повестку дня для остальных мировых элит;

— элитаризации культурного пространства. Активную роль в формировании своеобразного «культы элиты» играют средства массовой информации, предлагающие некий стандарт элитарности в качестве идеала социального развития. В литературе, кинематографе формируется образ успешной личности, затмивший образ среднего человека периода «восстания масс».

Таким образом, феномен «восстания элит» выступает как индикатор кризисной стадии развития либеральной демократии в условиях, когда элитарное меньшинство, преодолевая демократические границы равенства, стремится к ситуации политического и экономического доминирования. Вместе с тем «восстание элит» способствует консолидации мировой элиты, позволяет ей более эффективно справляться с глобальными проблемами и обеспечивать глобальное управление без создания наднациональной государственной власти. Благодаря элите, заинтересованной в развитии собственного технологического обеспечения, могут быть реализованы и емкие технологические проекты, недоступные сегодня большинству.

А. С. Сердюкова

(г. Екатеринбург)

МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННАЯ ЦЕНзуРА: К ВОПРОСУ О ВОСТРЕБОВАННОСТИ

Самосознание народа, его взгляд на пороки и добродетели
выражают народную совесть.

К. Д. Ушинский

Анализ актуальных практик российского общества позволяет обратить внимание на ряд важных моментов, противоречивых по своей сути. С одной стороны, цензура на существующем уровне ее осмысления, которое связано с политическим подтекстом и известной формулой о ее запрете из Конституции РФ, казалось бы, не имеет права на существование. С другой стороны, в обществе действуют структуры, имеющие право на запрет той или иной информации, в частности, доносимой до потребителей услуг сети Интернет. Так, по данным Роскомнадзора, с 2012 г. по 2016 г. проанализированы 273 500 жалоб граждан и организаций, 13 500 судебных решений о признании той или иной информации запрещенной [Жаров Н. А. Технологическая инфраструктура — «кровеносная система» современного мира // VII Международный форум безопасного интернета ФБИ-2016: 27 апреля 2016 г. Москва. МИА «РОССИЯ СЕГОДНЯ». URL: [http:// www.ligainternet.ru/encyclopedia-of-security/materialy-fbi/](http://www.ligainternet.ru/encyclopedia-of-security/materialy-fbi/) (дата обращения: 02.05.2017)]. Оказывается, имеются более 20 категорий, которые позволяют отнести тот или иной вид информации к несущему угрозу обществу. Это экстремистские, пропа-

гандирующие проституцию и наркотики, способствующие совершению экономических преступлений, популяризирующие способы изготовления взрывчатых веществ и прочие материалы.

Описывая роль Единого реестра запрещенной информации (далее — ЕРЗИ), действующего в рамках Роспотребнадзора, А. В. Жаров в указанном выше источнике констатирует, что на основании решения суда в ЕРЗИ было внесено более 114 000 интернет-страниц и доменных имен с противоправным контентом. Сегодня блокируется около 24 000 интернет-страниц. Доля блокировок, т. е. ресурсов, не удаляющих противоправную информацию, стабильно располагается в районе 20% от всех сайтов, на которых выявлен противоправный контент.

Параллельно с Роспотребнадзором действует Лига безопасного Интернета (ЛБИ). Эта структура активно обращается к услугам так называемых кибердружинников, с помощью которых за последние 5 лет заблокировано более 10 000 сайтов и страниц с детской порнографией и ее пропагандой (возбуждено более 800 уголовных дел, раскрыто 30 преступлений, связанных с производителями детской порнографии), более 3000 — с пропагандой и рекламой продажи наркотиков, более 1000 — с популяризацией самоубийств. Проблема необходимости защиты наиболее доступного для любого гражданина страны информационного поля дополняется активными и безрезультатными действиями общественных и официальных структур. Следовательно, актуальными являются и процессы, конкретизирующие нормативно-правовые рамки определения границ допустимого и недопустимого в социокультурной среде общества, которое не стремится к саморазрушению.

В то же время, параллельно с создаваемыми и закрытыми сайтами из «группы запрета», идет процесс разрушения русского языка, что непосредственно связано с проблемой самосохранения культуры нации. Напомним слова Л. С. Выготского о том, что «культура создает особые формы поведения, она видоизменяет деятельность психических функций, она надстраивает новые этажи в развивающейся системе поведения человека» [*Выготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. М., 1983. Т. 3 : Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. С. 29*]. Задача сохранения национального языка, с помощью которого передаются ценности культуры, выступает не менее важной, чем обеспечение безопасности информационного интернет-пространства.

С. А. Белов, М. Н. Кропачев, М. А. Ревазов провели исследование для выяснения проблем в процессе судебного контроля за соблюдением норм современного русского языка [*Белов С. А., Кропачев М. Н.,*

Ревазов М. А. Судебный контроль за соблюдением норм современного русского литературного языка // Закон. 2017. № 3. С. 103–115]. Ученые пришли к выводу, что это поле нуждается в серьезной корректировке: отсутствуют источники, на основании которых суды могли бы выносить объективные решения о нарушениях языковых норм. Те базы, к которым рекомендовано обращаться, не содержат перечня отклонений от нормы. Вместе с тем норма, казалось бы, представлена в словарях и справочниках, одобренных Министерством образования РФ. Рекламная, аудиовизуальная и даже представленная в официальных документах ненормативная, жаргонная лексика, противоречащая нормам русского языка, не всегда может получить нормативно-правовую оценку, так как отсутствуют разъяснения по «антинормам».

Актуальность обращения к сущности сложившихся противоречий связана с расширением спектра нравственно-этических девиаций, постепенно захватывающих наше общество. Это касается принимаемой многими гражданами (особенно молодежью) и СМИ допустимости балансирования на грани между цинизмом, бесстыдством, распущенностью и нравственно очерченными границами в презентации интимных сторон жизни людей, между нормами русского языка и их извращением. Важно учитывать, что в социуме отмечается тенденция к возврату к традиционным духовным православным ценностям россиян, вступающая в острое противоречие с лозунгами о толерантности, прикрывающими диктат образцов поведения, предопределяющих вырождение социума и пр.

Следует поддержать мнение О. В. Румянцевой и Т. В. Филипповской о том, что «назрела необходимость глубокого междисциплинарного и независимого анализа востребованности нравственной, духовной цензуры, определения места, роли, функций и методов действий ее проводников в социуме» [Румянцева О. В., Филипповская Т. В. Дезинтеграторы процесса патриотического воспитания и национальной идентификации // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. № 6. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/74PSMN616.pdf> (дата обращения: 02.06.2017)]. Кроме того, на уровне современного научного дискурса нужно обратиться к почти забытому сегодня понятию «каноническое право», которое, как известно, шире понятия «религиозное право», так как оно не ограничивается регламентом внутрицерковной организации, а обращается к правоотношениям, вытекающим из частного гражданского, судебного, уголовного и процессуального права.

А. Г. Филимонов

(г. Омск)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РУССКОЙ ВЛАСТИ

Современное российское общество при решении трудностей преодоления тоталитарных отношений, оставшихся от наследия советского периода, и определении пути демократического развития столкнулось с проблемой понимания природы русской власти. Это во многом обусловлено тем, что попытка за одно столетие дважды, опираясь на опыт западных образцов, реформировать русское общество обернулась провалом. Советский этап с опорой на марксизм дал отрицательный опыт, и государство прекратило свое существование в 1991 г. Реформы по лекалам либерализма, которые власть проводит в течение последних двадцати лет, также не дают положительных результатов, поэтому ряд российских ученых обратился к анализу природы русской власти и ее правового обеспечения, так как без понимания сущности этих явлений, по их мнению, нельзя обеспечить успешные реформы в российском обществе [Зорькин В. Д. Путь России к праву: размышления о судьбе российской правовой демократии // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2012. № 3. С. 3–19; Нисневич Ю. Государственная власть в России. М., 2008. С. 496].

С таким подходом нельзя не согласиться, так как любое государство в строительстве властных институтов опирается на исторический опыт собственного народа, поэтому мы и говорим об особенностях англосаксонской, французской, немецкой, польской власти и т. д.

Рассматривая сущность русской власти, А. Фурсов указывает на то, что она является базовой единицей русской истории, как, например, касты в Индии, капитал в рыночном хозяйстве. Выступая в качестве ядра политической системы, она не имеет аналогов ни на Западе, ни на Востоке, это исключительно русский феномен [Фурсов А. И. Русская власть. История Евразии и мировая система: *mobilis in mobilis* (социальная философия русской власти) // Феномен русской власти: преемственность и изменение : мат-лы науч. семинара. Вып. № 3(12). М., 2008. С. 10–50].

На протяжении всего исторического развития России просматривается одна господствующая линия, и эта линия связана с укреплением власти, будь то власть великого князя или власть президента. Процесс укрепления центральной власти по отношению к другим субъектам в государстве начинается с истоков формирования Русского государства. Расширение центральной власти постоянно происходило на фоне уси-

ления ее контроля за наделами сельскохозяйственных земель. Формировалось вотчинное хозяйство, в котором был один хозяин, т. е. царь московский, а все остальные считались его подданными, или вассалами. Главная характеристика русской системы власти — это концентрация власти в одном центре, и здесь это слово должно писаться с прописной буквы — «Власть». Она — ведущее действующее лицо русской истории, в ходе которой меняются лишь наименования: царь, император, генеральный секретарь, президент. Эта Власть персонифицирована, в отличие от Запада, где она имеет абстрактную природу и не является личной прерогативой правителя [Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика // ПОЛИС. 2006. № 1].

Концентрация власти в одном центре «русской системы» выражается, в частности, в том, что на протяжении пяти столетий в России существовали два параллельных вида высших административных организаций, управляющих страной: с одной стороны, приказы XVI–XVII вв., коллегии XVIII в., министерства XIX–XX вв., а с другой — государев двор XVI–XVII вв. (в XVIII в. — Императорский двор), Собственная Его Императорского Величества канцелярия XIX в., ЦК КПСС — XX в. В настоящее время это Администрация Президента Российской Федерации. При этом Двор — Канцелярия — ЦК — Администрация — занимаются всем, и сфера их деятельности и полномочий не ограничена. Они действуют от имени и по поручению Власти, обслуживают ее, транслируют ее волю и решения «посредствующим властям» и обществу.

Современная Власть готова устанавливать институты, внешне являющиеся правовыми и демократическими, но смысл всех этих действий, как и прежде, заключается в укреплении самой себя, т. е. Самовластии. Вот поэтому, как пишут И. Н. Сенин и В. В. Кожевников, «идея закона изначально ассоциировалась на Руси с главой государства, монархом, а не с юридическими нормами. Право воспринималось как приказ государственной власти... На Руси всегда правили люди, а не законы. Отсюда — неприятие закона как свойство русской природы» [Сенин И. Н., Кожевников В. В. Правовой нигилизм как социальное явление. Омск, 2005. С. 168]. Государство изначально противостоит русскому человеку как нечто враждебное, и на него, как на врага, не распространяются моральные запреты: его можно обмануть; у него можно украсть; обещания, данные государству, можно не выполнять.

Неограниченный контроль государства над обществом и невозможность влияния гражданского общества на Власть формируют особый вид взаимодействия между субъектами правовых отношений в го-

сударстве, с одной стороны, и Властью, точнее, с его управленческим аппаратом, — с другой. Здесь выстраивается отличная от Запада система отношений, а именно система полного господства Власти над остальными субъектами права в государстве. Эта система должна найти свой способ управления, обеспечивающий решение как насущных задач, стоящих ежедневно перед государством, так и стратегических задач, обеспечивающих его жизнедеятельность во взаимодействии с другими общественными системами окружающих его государств и народов.

Такая система управления, будучи отражением объективных законов функционирования русского общества, складывается, приобретает черты, свойственные только этой цивилизации. А. П. Прохоров, характеризуя такие особенности, пишет: «В системах управления западных стран перераспределение ресурсов в пользу победителя является результатом конкурентной борьбы, ее итогом. В России же период нестабильного состояния системы управления — период „конкуренции администраторов“ — заключается в том, что перераспределение ресурсов разворачивается с самого начала, еще до того, как конкуренты получили конечный результат своей деятельности. Уже по первым шагам, по начальным попыткам кластерных ячеек достичь результата система управления делает вывод о том, кто из конкурентов победитель, а кто аутсайдер, кого финансировать, а кого ликвидировать, кого повышать по должности, а кого увольнять. За долгие столетия указанный подход к конкуренции как к борьбе за волевое распределение ресурсов вошел в плоть и кровь русской модели управления, ввелся в стереотипы поведения людей» [Прохоров А. П. Русская модель управления: компромисс между системой и населением // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 45–46].

Следует согласиться с ученым в том, что аварийно-мобилизационное состояние управления не может продолжаться бесконечно, в обществе вырабатываются защитные механизмы, граждане уклоняются от выполнения обязанностей, учатся избегать репрессий, а система постепенно переходит в застойное состояние. В связи с этим система оказывается ввергнутой во внутренний конфликт: с одной стороны, от всех звеньев управления ожидается неукоснительное выполнение требований и максимальной отдачи, выдвигаются непомерные требования и к начальникам, и к подчиненным; с другой — граждане отказываются жертвовать собой, а организации — своими подчиненными. И тогда достигается исторический компромисс между системой управления и населением. Вырабатывается особая технология достижения равновесия, которая заключается в формальном соблюдении обязанностей.

Характер российского общества, в отличие от западно-европейского, определяется не столько соглашением подданных и государственной власти об обоюдном соблюдении законов, сколько молчаливым сговором о безнаказанности при их несоблюдении. Этот молчаливый сговор не есть нечто худшее для русского человека, он есть необходимое условие, которое позволяет ему сохранить свою правовую природу и бороться за свои права. В противном случае сила государственной машины смела бы его со своего пути, невзирая ни на какие жертвы, что и происходило в отечественной истории, когда русский человек начинал открыто бороться за свои права. Таким образом, русская власть стремится опираться не на закон, а на молчаливый сговор по несоблюдению закона, что разрушает основы любого государства, как бы долго это не происходило. Такая власть формирует экстрактивные политические институты, которые находятся под контролем центральных органов государства и имеют только относительную самостоятельность. Она ограничивает свободу граждан и их возможность определять свою судьбу независимо от воли государства.

РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Д. Г. Бачурин

(г. Тюмень)

КРЕСТОНОСНОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: СИМБИОЗ РЕЛИГИИ И ПРАВА

В последнее время наблюдается массовый возврат к практикам Средних веков. Как в описаниях настоящего времени, так и в прогнозировании вероятностей будущего возникают признаки средневековых практик на новом институциональном уровне.

В политическом устройстве: в постепенном растворении централизованного государства, уступающего свои позиции местному самоуправлению, наднациональным экономическим и политическим межгосударственным образованиям. Просматриваются аналогии множества мелких государств Европы зрелого Средневековья в составе Священной Римской империи или Ганзейского союза под общим протекторатом Святой церкви, ценности которой распространяются среди варварских народов.

В экономике: воссоздание культа ручного труда; расширение надомничества с использованием компьютера вместо ручного ткацкого станка; возобновление цеховой организации в виде саморегулирования, когда приемы и обычаи цеховой системы предстают в виде правил саморегулируемых организаций строителей, консультантов, проектировщиков, аудиторов, оценщиков, арбитражных управляющих. В налоговой сфере также можно прогнозировать возврат к простому обложению оборота вместо сложносоставной и деликтной системы налогообложения добавленной стоимости.

Отработанные в течение нескольких веков практики удачно вписываются в существующий социально-экономический ландшафт и с успехом начинают работать в современном обществе.

Поскольку налогообложение следует за изменениями в структуре общественных отношений, усиливает их взаимообусловленность

и противоречия, то сведения об уникальных юридических формах регулирования налоговых обязательств приобретают особую значимость. Вместе с тем следует принять во внимание, что в «социальном мире опыт всегда носит исторический характер, а значит, всегда связан с чрезвычайно сложными событиями, где действует бесчисленное количество „переменных“, и его нельзя наблюдать непосредственно, а можно только интерпретировать» [*Уэрта де Сото Хесус*. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.; Челябинск, 2008. С. 441].

Постановка задачи всестороннего изучения правовой проблематики религиозного налогообложения Западной Европы также предполагает рассмотрение данного феномена в проекциях историко-институционального дискурса, фактология которого делает возможным рассмотрение наиболее значимого фискального феномена Средневековья в соединении юридической и религиозной онтологии. Уникальность средневекового налога на дело Креста состоит в том, что данный налоговый инструмент представляется непосредственным субъектам налогообложения делом более «града небесного», а не «града земного», со всеми вытекающими из данного положения особенностями, предусматривающими не просто необходимость решения фискальных задач чрезвычайного финансирования военных расходов, а объявление высокой мессианской идейности и индивидуального очищения от греховности каждого налогоплательщика. Никогда история не знала налога со столь выраженной индивидуальной мотивацией налогоплательщика к его уплате. Налог на дело Креста становится воплощением центральной идеи служения благу Церкви, сосредоточивая в себе внеправовую метафизическую силу единения, когда все верующие должны поддерживать воинов Креста, ведущих общую борьбу за христианский мир.

Если налогообложение оборота на всем пространстве Позднеантичного Рима опирается на единый военно-правовой фундамент государства, то властители феодальных государств европейского Средневековья склоняются перед сакрально объединяющими началами христианства и «формальным превосходством Церкви над материей человеческой жизни» [*Шмитт К.* Римский католицизм и политическая форма // Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 109]. «Линия Лотаря», будучи границей римской экспансии во времена Империи, в мире средневековой Европы начинает определять пространство идейного противостояния, где Церковь встречается «с варварскими обществами, втягивая их в свою орбиту», стремясь «устанавливать, распространять и поддер-

живать в своих пределах мир и правопорядок» [Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 36].

Как выразился Петр Дамиан, «теперь римская церковь — папская епархия должна копировать древний суд римлян» [Цит. по: Хизер П. Восстановление Римской империи. Реформаторы Церкви и претенденты на власть. М., 2015. С. 483]. В обращении 1095 г. Папа Урбан II призывает христиан к возвращению гроба Господня, находящегося в Иерусалиме в руках мусульман. Обращением от 14 июля 1165 г. папа Александр III предоставляет полное отпущение грехов крестоносцам, направляющимся в Святую землю. В связи с недостатком средств на крестовые походы взимание всеобщего налога в пользу крестоносцев вводится Указом 1166 г. английского короля Генриха II, где дается описание конструкции налога.

В указе Генриха II, датированном концом января 1188 г., налоговое обязательство уточняется: «Тому, кто берет крест, будь он духовным или светским лицом, по папскому распоряжению и в силу всемогущества Господа и святых апостолов Петра и Павла отпускаются все грехи, в которых он покаялся. Те же, кто не участвует в походе, как духовные, так и светские лица, обязаны платить десятую часть доходов текущего года с движимости и всего имущества».

Одновременно французский король Людовик VII принимает подобное распоряжение. В историю этот всеобщий налог входит под названием налога на дело Креста или «Саладиновой десятины» — по имени главного противника крестоносцев.

К XIII в. правовое регулирование налогообложения для финансирования крестовых походов полностью берет на себя Церковь, проявляя «продолжавший жить в ней римский рационализм», который заключается «прежде всего, в институциональном, и носит юридический характер» [Шмитт К. Указ. соч.], а в круге элементов налога на дело Креста едва ли не основным выступает размер и порядок отпущения грехов плательщикам налога. В воззвании Григория VIII от 29 ноября 1187 г. (за два месяца до появления указов Генриха II и французского короля Филиппа II Августа) объявляется отпущение грехов всем жертвующим деньги на крестовый поход. Климент III своим распоряжением 1188 г. обязывает архиепископов произвести сбор пожертвований со всего духовенства на цели крестового похода, отмечая, что размер предоставляемого отпущения грехов зависит от положения дарителя и величины взноса. С 1198 г. полное отпущение грехов предоставляется плательщикам, оплачивающим содержание крестоносца в течение двух лет.

Результаты администрирования налога в полной мере проявляются при финансировании VII крестового похода (1248–1254 гг.) под предводительством Людовика IX, когда общие понесенные расходы составляют 26 тонн золота, что соответствует стоимости всех домов во Франции XIII в. Сама организация устойчивого налогообложения для финансирования крестовых походов становится возможной вследствие того, что церковное нормотворчество испытывает организующее влияние римского права. Христианское духовенство, получившее в IV в. статус официальной религии и упрочившее свое положение под занавес Римской империи, при формировании фундаментальных правовых основ Церкви успевает воспринять римское право и широко использует его заимствования в дополнение к канонам святого Писания. Европейские правовые системы, в свою очередь, начинают формироваться под воздействием церковных канонов и следующих вместе с ними рецепций римского права. Об этом прямо свидетельствует составленная в VI в. почти сразу после падения Рима «Рипуарская правда», где в параграфе 1 раздела LVIII, в частности, отмечается, что процедура освобождения рабов должна проводиться «сообразно римскому праву, по которому живет Церковь» [*Социальная история Средневековья* : учеб. пособие / под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова. Т. 1. М.; Л., 1927. С. 127]. «Дуализм „канонического права“ (сам термин появляется не ранее XII в.) обусловлен двойственным существом Церкви, в котором ее духовные, сакральные начала переплетались с корпоративными, институциональными, „телесными“ началами» [*Исаев И. А. Отражение во времени: две империи // История государства и права. 2013. № 22. С. 2–11*].

Идейное доминирование Святой Церкви в сознании человека Средневековья удерживает светских государей от притязаний на присвоение крестоносного налогообложения и превращает его в самый эффективный фискальный механизм Высокого Средневековья.

Фундаментально важно для всей западно-европейской культуры в целом и в отношении рассматриваемого случая налогообложения в частности выстраивание паритета между властью Кесаря (церковной властью) и властью Цезаря (светской властью) на всем пространстве христианского мира при идейном лидерстве папского престола. Верховенство Церкви определяется тем, что она объявляет светскую власть даром высшей духовной силы и на этом основании включает ее в круг своего подчиняющего влияния. Иннокентий III весьма выразительно формулирует данное положение, используя метафору солнца и луны:

«Подобно тому, как Бог, Творец универсума установил два больших светила на тверди небесной, так на тверди вселенской Церкви, которая зовется именем неба, он установил две высшие должности: большую, призванную управлять душами, словно днями, и меньшую, призванную управлять телами, словно ночами, — это власть понтифика и царская власть» [Об этом см.: *История государства и права*. 2013. № 22. С. 4–5].

А. В. Быков

(г. Омск)

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В СОВЕТСКОМ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМ ПРАВЕ 1920-Х ГОДОВ

В первой половине 1920-х гг. в РСФСР многие политические и правовые процессы проходили в соответствии с идеями строительства нового, более справедливого, гуманного общества (по крайней мере, в отношении трудящихся). Не являлась исключением и сфера исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы. В трудах известных теоретиков и практиков 1920-х гг., таких как П. В. Верховский, Е. Г. Ширвиндт, Б. С. Утевский, М. Н. Гернет, Ю. Ю. Бехтерев, развиваются представления о том, что важнейшей целью наказания является исправление, понимаемое как приспособление к жизни в обществе через получение трудовых навыков и культурно-просветительную работу.

Эти идеи оказались востребованными в условиях поиска новых принципов исполнения наказания в виде лишения свободы и способствовали формированию исправительно-трудового законодательства, ориентированного на изоляцию преступника, совмещенную с мерами по приспособлению его к полноценной жизни в обществе. Конкретное воплощение эта политика получила в Исправительно-трудовом кодексе 1924 г. Следует признать, что в пенитенциарной политике 1920-х гг. и в Исправительно-трудовом кодексе присутствовали многие позитивные моменты. Советская пенитенциария в период 1920-х гг. теоретически была нацелена на то, чтобы совершивший преступление человек не оказался изгоем общества, а получил возможность вернуться в него полноценным гражданином.

Советское государство, определяя содержание системы исполнения наказания в виде лишения свободы, пыталось упразднить основополагающие принципы классической тюремной системы, одним из ко-

торых была безусловность изоляции заключенных от внешнего мира. Статья 49 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. гласила: «Для действительного осуществления исправительно-трудовой политики режим в местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства, отнюдь не допуская применения физического воздействия: кандалов, наручников, строгого-одиночного заключения, лишения пищи, свиданий заключенных через решетку».

Обращает на себя внимание попытка сочетать задачи лишения свободы с интересами осужденных и их семей, которые оказались в тяжелом материальном положении. В советской исправительно-трудовой системе с 1918 г. формируется практика предоставления осужденным отпусков. Такая мера позволяла учесть различные жизненные обстоятельства (например, смерть близких родственников), не прерывать полностью связь осужденного с семьей, обществом. Особым видом стали введенные летом 1921 г. отпуска для осужденных крестьян во время полевых работ до шести недель.

Подвергалась сомнению и целесообразность лишения свободы как меры наказания для отдельных категорий лиц. В частности, начальник Главного управления мест заключения НКВД РСФСР Е. Г. Ширвиндт писал: «Разрешение проблемы тюрем следует искать в... изыскании и наиболее широком применении альтернатив лишения свободы» [Ширвиндт Е. Г. Вопросы преступности и «проблема тюрем» в РСФСР // Административный вестник. 1926. № 6. С. 3]. В качестве альтернативных лишению свободы наиболее приемлемыми признавались такие меры, как принудительные работы без содержания под стражей, производственные колонии с полусвободным режимом (в том числе сельскохозяйственные), штрафы. Предусматривалось участие общественности в деятельности наблюдательных комиссий, общественный контроль над деятельностью мест лишения свободы, в том числе через прессу.

В качестве еще одного положительного момента необходимо отметить, что в первые годы Советской власти исправительно-трудовая система формировалась в условиях сравнительной открытости и доступности для ознакомления с ее деятельностью различных органов и организаций, гласности в вопросах о положении дел в местах заключения. Считались нормой участие в проверках состояния работы администрации учреждений представителей общественности, публикации на страницах периодических изданий статей по различным вопросам организации исправительно-трудового процесса, высказывались критические замечания, рассматривались проблемы развития и деятельности мест заключения.

К сожалению, с конца 1920-х гг. в силу политических причин отмечается значительный отход от гуманистических принципов, разработанных в ранней советской пенитенциарной теории и закрепленных в исправительно-трудовом законодательстве. Однако они становятся основой для дальнейшего развития, многие из подходов, разработанных в первой половине 1920-х гг., находят свое развитие в современном отечественном уголовно-исполнительном законодательстве и практике организации исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Т. Е. Грязнова

(г. Омск)

ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

А. Д. ГРАДОВСКОГО

Отправной точкой методологии А. Д. Градовского служит критика характерного для юридической науки предшествующего столетия метафизического подхода к интерпретации государственно-правовых явлений. В основе его концептуальных построений лежит принцип историзма: понять законы социального развития возможно, лишь связав настоящее с прошедшим, лишь уяснив историю постоянного формирования понятий и политико-юридических институтов, опираясь на приемы «настоящей исторической науки» [Градовский А. Д. Теория представительства // Политика, история и администрация: критические и политические статьи. СПб., 1871]. В частности, исследуя какое-либо общественное явление, нужно определить совокупность фактов, с которыми оно находится в необходимой и ближайшей причинной связи. «Между условиями страны, как первоначальными фактами, послужившими исходной точкой человеческого развития, и настоящей его организацией лежит масса других фактов и условий... называющихся историей. Чем дальше подвигается человечество, тем заметнее увеличивается масса условий, положенных умственной и нравственной жизнью предыдущих поколений...» [Там же. С. 31], тем сложнее установить причинно-следственные связи между факторами и явлениями, тем большая ответственность возлагается на мыслителя, претендующего на их выявление, интерпретацию и моделирование законов, управляющих развитием человечества, констатирует А. Д. Градовский. Вышеизложенное позволяет серьезно усомниться в имеющем место в современных исторических и философских науках под-

ходе, согласно которому в начале своего творческого пути мыслитель находился под доминирующим влиянием философии немецкого идеализма, поскольку уже его первые работы имеют четкую направленность на историко-социологическое исследование государственно-правовых явлений, пронизывающую все его творчество.

Государство, по А. Д. Градовскому, явление историческое. Отталкиваясь как от объективной данности от общежития природы человека, автор исследует проблему происхождения и развития данного института, анализирует основные состояния, пройденные человечеством на пути исторической эволюции, — охотничье, пастушеское и оседлое. Ученый поддерживает взгляд современных ему экономистов и социологов на разделение труда как на главный фактор, послуживший причиной происхождения государства. «Момент, с которого начинается действительное разделение труда, есть момент перехода кочевых племен в оседлое состояние» [Градовский А. Д. Государственное право: лекции, читанные в 1881–1882 академическом году. СПб., 1882. С. 43].

Конкретные формы общества в различные стадии его развития обусловлены совокупностью ряда факторов, важнейший из которых — мировоззрение личности. Путем длительного воспитания и постепенной эволюции человечество смогло достигнуть своей высшей формы общежития — государства. «Государственные формы являются следствием общения людей данного времени, с его экономическими условиями, верованиями, страстями и умственными стремлениями» [Градовский А. Д. Общество и государство: теоретические очерки // Собр. соч. А. Д. Градовского. СПб., 1899. Т. III. С. 350].

Уже в первых формах человеческого общежития (семья, род, община) А. Д. Градовский фиксирует наличие совокупности находящихся пока еще в слитном состоянии элементов (власть, религия, экономическая деятельность, собственность, наука, свобода, право, нравственность), с развитием и дифференциацией которых он связывает происхождение государства. Этот процесс ученый комментирует таким образом: «Дружина с королем или князем, курия, род со старейшиной или родоначальником, общины, муниципии, союзы городов, феодальная система, удельно-вечевой период, — все это следует одно за другим, выделяя один общественный элемент от другого, давая каждому свою организацию и подчиняя каждую из этих организаций другой, высшей, пока, наконец, национальность не доходит до высшей из них — государства» [Градовский А. Д. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в С.-Петербургском университете 10 октября 1866 года // Собр. соч. А. Д. Градовского. СПб., 1899. Т. I. С. 12].

Таким образом, государство, по А. Д. Градовскому, явление историческое, возникающее на определенном этапе развития общества в рамках национальностей, дошедших до самосознания. Развиваясь по определенным историческим законам, государство представляет собой высший территориальный и национальный союз, охватывающий различные сферы человеческой жизни и обеспечивающий условия для осуществления целей и интересов входящих в него лиц и социальных групп.

А. А. Исаев

(г. Уфа)

И. Г. ФИХТЕ О ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

При оценке вклада немецкой классической философии в учение о праве и государстве следует отметить, что наиболее признанными работами в этой области считают «Метафизику нравов» И. Канта и «Философию права» Г. В. Ф. Гегеля. Вклад И. Г. Фихте в философско-правовое учение о государстве порой оценивается как менее значительный, либо вообще в обзоре данной проблематики его имя не упоминается.

Но при анализе некоторых произведений этого немецкого философа («Замкнутое торговое государство», «Несколько лекций о назначении ученого», «Назначение человека» и др.) приходим к мысли, что Фихте глубоко интересовался проблемой государственного общежития людей, их общественного бытия. Мысли, которые он высказывал, позволяют считать его одним из предшественников марксистского понимания идеального общественного устройства. Причем к такой оценке учения Фихте склоняются как сами представители марксистско-ленинской философии [Александров Г. А. Философские предшественники марксизма. М., 1940. С. 85], так и западные философы. Б. Рассел пишет: «Политическое мышление Фихте предвосхищает марксистское представление о социалистической экономике с государственным контролем над производством и распределением продукта труда» [Рассел Б. Мудрость Запада : историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами. М., 1998. С. 369–370].

Фихте безоговорочно утверждал, что человек — существо общественное и его предназначение — жить в обществе: «К основным стремлениям человека относится желание принять кроме себя разумные су-

щества, ему подобные... Общественное стремление относится поэтому к основным стремлениям человека. Человек *предназначен* для жизни в обществе; он *должен* жить в обществе; он не полный законченный человек, и противоречит самому себе, если он живет изолированно» [Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И. Г. Соч. : в 2 т. СПб., 1993. Т. II. С. 24]. Он **устанавливает и последнюю высшую цель общества**, заключающуюся в полном согласии и единодушии со всеми возможными его членами. Правда, по поводу этой цели он делает оговорку: «Но так как достижение этой цели, достижение назначения человека вообще предполагает достижение абсолютного совершенства, то это точно так же недостижимо, как и то недостижимо, пока человек не перестанет быть человеком и не станет богом. Полное согласие со всеми индивидуумами есть, следовательно, хотя и *последняя цель*, но не *назначение* человека в обществе» [Там же. С. 28].

Большое внимание уделяет немецкий философ вопросу равноправия людей в обществе: «Каждый хочет жить возможно более приятно. И так как этого требует каждый, в качестве человека, и так как никто не является больше другого человеком, то в этом требовании все имеют одинаковое право» [Фихте И. Г. Замкнутое торговое государство // Там же. С. 240]. Эта же мысль отражена в его идее правового государства: «Правовое государство является замкнутой совокупностью множества людей, подчиненных одним и тем же законам и одной и той же принудительной власти... Всякий кто не подчинен одним и тем же законам и принудительной власти, должен быть отстранен и от участия в этом общении» [Там же. С. 227].

Объединение с другими людьми — это не только предназначение отдельного конкретного человека, это предназначение в целом человеческого рода: «Назначение человеческого рода — объединиться в одно тело, известное себе во всех своих частях и одинаково построенное» [Фихте И. Г. Назначение человека // Там же. С. 175].

Соединить людей в общество способно только государство, поэтому мыслитель придает особое значение этому социальному институту: «Только государство соединяет неопределенное количество людей в *замкнутое целое*, в общность; только оно может доискиваться у всех тех, кого оно принимает в свой союз; только через него поэтому устанавливается покоящаяся на праве собственности» [Фихте И. Г. Замкнутое торговое государство. С. 238]. Философ краток в определении предназначения государства: «Назначением государства является предоставление каждому того, что ему принадлежит» [Там же. С. 241]. Од-

нако государство не вечно, оно необходимо лишь на определенном этапе развития человеческого общества. По этому поводу философ пишет: «Жизнь в государстве не принадлежит к абсолютным целям человека, что бы ни говорил об этом один очень большой человек (имеется в виду И. Кант. — А. И.), но она есть *средство*, имеющее место лишь при определенных условиях, для *основания совершенного общества*. Государство, как и все человеческие установления, являющиеся голым средством, стремится к своему собственному уничтожению...» [Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении ученого. С. 24]. Настанет время, когда, по его мнению, государство станет ненужным, лишним образованием (здесь можно провести параллель между Фихте и марксизмом): «...Несомненно, что на *аргіогі предначертанном пути рода человеческого* имеется такой пункт, когда станут излишними все государственные образования. Это то время, когда вместо силы или хитрости повсюду будет признан как высший судья один только разум» [Там же. С. 24–25].

Еще одна проблема волнует Фихте в рамках данного вопроса, и это волнение объективно обусловлено, — проблема свободы и самосовершенствования человека, живущего в обществе, в государстве. Условием совместного существования людей является добровольное ограничение свободы каждого лица. Такое ограничение возможно только в том случае, если всем предоставлены равные права свободного телесного и духовного развития. Самосовершенствование предполагает свободные взаимоотношения с другими. Своя свобода вытекает из свободы других: «Только тот свободен, кто хочет все сделать вокруг себя свободным...» [Там же. С. 27]. В свободном взаимном влиянии друг на друга и заключено назначение людей в обществе. В связи с этим Фихте утверждает: «Чтобы достигнуть этого назначения и постоянно достигать его все больше, для этой цели мы нуждаемся в способности, которая приобретается и в способности двоякого рода: способности *давать* или действовать на других как на свободных существ и восприимчивости, или способности *брать* или извлекать наибольшую выгоду из воздействия других на нас» [Там же. С. 29].

Последней высшей целью в самосовершенствовании человека, по мнению немецкого философа, выступает полное согласие с самим собой. По этому поводу он пишет: «Если полное согласие с самим собой называют совершенством в высшем значении слова, как его во всяком случае можно назвать, то *совершенство* — высшая недостижимая цель человека; *усовершенствование до бесконечности* есть его назначение» [Там же. С. 18].

В своих работах Фихте затрагивает вопрос о межгосударственных отношениях. Признавая существование как свободных государств, так и государств, стремящихся к порабощению других (в связи с этим их нельзя назвать свободными), он полагал, что стремление к свободе одержит верх над стремлением к завоеваниям. В работе «Назначение человека» он писал: «Ни одно свободное государство не может терпеть рядом с собою государства, главам которых выгодно порабощать соседние государства, и которые поэтому беспрестанно угрожают спокойствию уже одним своим существованием; забота о собственной безопасности побуждает все свободные государства все вокруг себя обращать также в свободные государства и таким образом ради собственного блага распространять царство культуры на дикарей, а царство свободы на рабские народы» [Фихте И. Г. Назначение человека. С. 178]. На историческом пути человечества немецкий мыслитель видел то время, когда свободным можно будет считать каждое государство: «Таким образом, раз уже возникло несколько действительно свободных государств, царство культуры и свободы постепенно и неизбежно охватит весь земной шар» [Там же. С. 179].

Заканчивая краткий обзор философско-правовых взглядов И. Г. Фихте, обратимся к словам известного советского философа-марксиста Г. А. Александрова, которые, на наш взгляд, и сегодня служат объективной оценкой философского творчества немецкого мыслителя: «Оценивая философское учение Фихте, следует сказать, что... он своим учением о диалектическом развитии сознания, своей борьбой за победу прогрессивного в политической жизни, за политическую и философскую активность содействовал дальнейшему развитию не только немецкой, но и мировой культуры» [Александров Г. А. Указ. соч. С. 85].

Г. Е. Москаленко

(г. Омск)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРАВА М. М. КОВАЛЕВСКИМ

Одним из выдающихся либеральных мыслителей России рубежа XIX–XX вв. является **Максим Максимович Ковалевский**. Он получил всемирную известность, став членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук, а также ряда иностранных академий и институтов. В учении отечественного философа и юриста представ-

лена и теоретически обоснована социологическая теория права. Оригинальность его концепции заключается в том, что она неразрывно связана с идеей общественной солидарности.

По своим взглядам на право и государство М. М. Ковалевский был сторонником социологического позитивизма. Рассматривая право как социальное явление, возникшее благодаря развитию общественных отношений, мыслитель выступал с резкой критикой представителей формально-догматического подхода и писал о них следующее: «Юристы утратили сознание той связи, в какой право стоит с ростом культуры и гражданственности» [*Ковалевский М. М.* Социология. СПб., 1910. Т. 1. С. 62]. Соглашаясь с высказыванием Монтескье о том, что закон — необходимое взаимоотношение явлений, М. М. Ковалевский считал, что право находится в тесной связи с социальными факторами, а также с историческим процессом того общества, в котором это право возникает и функционирует.

М. М. Ковалевский не был также сторонником теории естественного права, отмечая: «Если природа обучила чему всех живущих, то отнюдь не праву, а бесправию, состоящему в том, чтобы жертвовать ближним в интересах самосохранения. Если борьба за существование, в конце концов, не воспрепятствовала, а может быть, даже косвенно содействовала образованию права, то только благодаря тому, что инстинкт самосохранения подсказал участникам этой борьбы необходимость организовать в группы для более успешного ее ведения» [Там же. С. 83]. Таким образом, ученый считал, что природа дала человеку лишь инстинкт самосохранения, но отнюдь не право.

Критикуя доктрины юридического позитивизма и естественного права, а также желая преодолеть имевшиеся в них противоречия, М. М. Ковалевский выдвинул и обосновал идею общественной солидарности. Ученый дал следующее понятие права: «Право — это нормы, ставящие себе целью поддержание и развитие общественной солидарности» [*Ковалевский М. М.* Общее учение о государстве. СПб., 1909. С. 47]. М. М. Ковалевский не связывал возникновение права с государством. Он выделял ряд общеобязательных норм, согласно которым те или иные поступки признаются дозволенными или запрещенными в зависимости от того, отвечают ли они требованию о поддержании солидарности или нет. Любой поступок, ставящий под угрозу существование общественной солидарности, признается недопустимым. Такие нормы и есть право, которое, по мнению мыслителя, появляется задолго до возникновения государства, благодаря движущей силе общества.

С момента своего возникновения, государство признает уже действующее право в качестве позитивных норм. При этом государство не имеет права создавать нормы, ограничивающие солидарность. Закон является правомерным лишь в том случае, если он отвечает требованиям общественной солидарности. В этом плане право независимо ни от произвола государства, ни от произвола конкретных индивидов.

Историко-сравнительный метод обеспечил получение такой эмпирической базы, которая заставляла посмотреть на право как на продукт исторического развития общества. Ученый считал, что развитие права происходит благодаря «развитию всей гражданственности» [Ковалевский М. М. Социология. Т. 1. С. 5]. По мнению М. М. Ковалевского, гражданственность проявляется во всем том, из чего, заодно с правом, складывается в каждый данный момент социальный уклад народа, его экономика и политика, религия и нравственность, наука и искусство [Ковалевский М. М. Общее учение о государстве. С. 86]. Таким образом, в качестве факторов, оказывающих влияние на развитие права, мыслитель выделял расширение общественной солидарности и развитие социальных сфер жизни общества.

М. М. Ковалевский считал, что право есть важнейшее средство обеспечения социальной солидарности. Именно в праве закрепляется согласование интересов человека и общества. С момента возникновения государства действующее право признается государством, приобретает нормативный характер и обеспечивается его принудительной силой. При этом право выражает волю не какой-то одной социальной группы, а народа вообще.

А. Н. Язов

(г. Омск)

ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Борис Николаевич Чичерин — выдающийся российский теоретик либерализма. Научное наследие Б. Н. Чичерина многогранно. Его взгляды выступают предметом исследований историков, философов, социологов, политологов, экономистов, специалистов в области права и остаются актуальными по сей день. Подлинный интерес представляет философско-правовое учение Б. Н. Чичерина, в рамках которого авто-

ром разрабатывается идея народного суверенитета. При изучении данной идеи правовед большое внимание уделял рассмотрению вопроса о сущности верховной власти.

При определении понятия власти как воли, имеющей право повелевать, мыслитель отмечает два ее вида: частную — власть одного лица над другим (например, семейная власть); и общественную — власть союза над его членами [Чичерин Б. Н. Курс государственной науки : в 3 ч. М., 1894. Ч. 1 : Общее государственное право. С. 58]. Связывая свои представления об общественной власти с учением о человеческих союзах [Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900. С. 224–336], правовед выделял четыре ее вида: патриархальную, гражданскую, церковную, государственную. Власть, принадлежащая государству, которая устанавливает правопорядок и контролирует исполнение законов, по Чичерину, является верховной.

Правовед перечисляет основные признаки верховной власти, такие как единство, постоянность и непрерывность, независимость, священность, ненарушаемость, безответственность, распространяемость на всю территорию государства [Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1 : Общее государственное право. С. 59–62]. Остановимся на анализе признака единства, который связывает верховную власть с теорией народного суверенитета Б. Н. Чичерина.

Единство верховной власти правовед понимает не как ее сосредоточение в руках одного лица, а в смысле единства ее юридического начала. Здесь речь идет об идеальном субъекте верховной власти, которым, по Чичерину, выступает государство как единый союз. Поскольку государство не имеет собственной воли и неспособно самостоятельно принимать решения и действовать, оно должно быть представлено физическим лицом, т. е. реальным субъектом верховной власти, которым в соответствии с идеей народного суверенитета является народ.

Подобное понимание субъекта верховной власти характерно для прямой демократии. В ней, пишет Б. Н. Чичерин, верховная власть принадлежит народу, который непосредственно управляет государством, участвуя в народном собрании. Правовед считает, что подобная организация управления применима только в малых государствах и приводит к постоянному вовлечению всех граждан в решение общественных дел, отодвигая на второй план их частные интересы [Там же. С. 161–163].

В эпоху Нового времени приоритет получают общественные отношения в гражданско-правовой сфере, с чем, по мнению автора, связано развитие учений о представительной форме правления. В рамках дан-

ного учения делается акцент на таких признаках государства, как население и власть. Б. Н. Чичерин отмечает, что в государстве устанавливается республиканская форма правления, где верховная власть принадлежит народу, а органы власти являются его уполномоченными. Связывая эту мысль с идеей народного суверенитета, Б. Н. Чичерин полагает, что в республике критериями участия граждан в осуществлении верховной власти выступают свобода и способность, поэтому субъектом верховной власти в ней является совокупность свободных (демократия) либо способных (аристократия) граждан. Представительная форма правления подразумевает делегирование полномочий верховной власти различным государственным органам в соответствии с теорией разделения властей. Это не приводит к утрате верховной властью признака единства, поскольку в его основе, по Чичерину, не лежит критерий единоличности властвующего субъекта, о чем писалось выше [Там же. С. 164–168].

Таким образом, в теории народного суверенитета Б. Н. Чичерина верховная власть государства едина, принадлежит народу и реализуется им как непосредственно, так и через представительные органы.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ ПРАВА

Векленко П. В. Феномен сервильности права	3
Воробьева Е. Ю. Анатомия управления	5
Зайцева Е. С. О возможности существования объективных и субъективных пределов правового регулирования	8
Кулик О. В. Проблема легализации правовой практики в контексте социологического подхода к праву	10
Мартишина Н. И. Кризис нормативности и его онтологические проявления	13
Мжельский А. А. Право на получение социальных выплат как право собственности: практика Европейского Суда по правам человека	16
Попов Д. В. Право и «Черный лебедь»	18
Сальников Е. В. Историко-философский анализ взаимосвязи крайности и насилия	23
Федяев Д. М. О правовом условии становления философской онтологии	26
Шкарупа В. М. Бытие и право: одна логическая параллель	29

РАЗДЕЛ 2. ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ЛОГИКА ПРАВА

Лобовиков В. О. Формальный вывод логической эквивалентности онтологии и аксиологии права в аксиоматической системе эпистемологии из допущения априорности знания	31
Овчаренко Н. Б. Демаркация специальных знаний в юридической науке	33
Синченко Г. Ч., Николаенко Н. М. Терминологическая гипертония отечественного юридического дискурса	36
Туркулец С. Е., Туркулец А. В. Методологические установки в философско-правовой онтологии и гносеологии	40
Соколовская О. В. Установление объективной истины в судебном процессе как философская проблема	42
Червяковский А. В. Понятие «общество знаний» и Стратегия развития информационного общества 2017 года	45

РАЗДЕЛ 3. РЕЛИГИЯ, МОРАЛЬ, ПРАВО

- Белянова Е. А.** Проблема нормативного отражения тактичности в профессиональной деятельности сотрудника ОВД..... 48
- Денисенко С. В.** Коррупционно устойчивое поведение как приоритет профессиональной морали сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации 50
- Ефимова С. В., Мурат М. М.** Конституционные нормы и мировая практика государственного финансирования религиозных организаций 53
- Кобылкин Р. А.** Проблема происхождения права и морали: философский аспект. 55
- Морозов А. А.** Религия и право в контексте антропологической системы Эрнста Кассирера..... 57
- Петров А. В.** Место *fides* в каноническом и светском праве. 60
- Ярков А. П.** Права мусульман: правовое и внеправовое регулирование (региональный аспект в историческом контексте) 63

РАЗДЕЛ 4. АКСИОЛОГИЯ ПРАВА

- Бучакова М. А.** Взаимодействие общества и природы. 68
- Денисов С. Ф., Денисова Л. В.** НБИК-технологии и право быть человеком 70
- Козлов С. В.** Легитимность как ценностно-нормативный аспект реализации социально-политического порядка 73
- Красиков В. И.** Мир сегодня: основные ингредиенты мировой нестабильности 76
- Матвиенко Е. А.** Издержки развития теории прав человека как фактор кризиса европейской цивилизации..... 79
- Морозов И. Л.** Право гражданина на информацию или информационная угроза обществу: философско-правовой контекст усиления контроля над виртуальными социальными сетями. 82
- Семенов Е. В., Чертова Л. Н.** «Восстание элит» против «восстания масс»..... 84
- Сердюкова А. С.** Морально-нравственная цензура: к вопросу о востребованности 87

Филимонов А. Г. Правовая природа русской власти	90
РАЗДЕЛ 5. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА	
Бачурин Д. Г. Крестоносное налогообложение Средневековья: симбиоз религии и права	94
Быков А. В. Гуманистические подходы в советском исправительно- трудовом праве 1920-х годов.....	98
Грязнова Т. Е. Теория происхождения государства А. Д. Градовского.....	100
Исаев А. А. И. Г. Фихте о жизни человека в обществе и государстве	102
Москаленко Г. Е. К вопросу об интерпретации права М. М. Ковалевским.....	105
Язов А. Н. Верховная власть в контексте теории народного суверенитета Б. Н. Чичерина.....	107

Научное издание

ОНТОЛОГИЯ И АКСИОЛОГИЯ ПРАВА

Редактор А. Н. Великих
Корректор М. В. Виноградова
Технический редактор Н. М. Серова
ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 18.09.2017. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 100 экз. Заказ № 177.

Редакционно-издательский отдел
Отделение полиграфической и оперативной печати
644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7